

Олег МОРОЗ

И ВСЕ-ТАКИ ПОЧЕМУ ПУТИН?

Свидетельствуют наиболее осведомленные люди -

Егор Гайдар,

Борис Немцов,

Анатолий Чубайс,

Валентин Юмашев,

Татьяна Юмашева,

Александр Волошин

С ними беседует писатель-документалист

Олег Мороз

До сих пор многим непонятно, как и почему своим преемником на посту президента Ельцин выбрал мало кому тогда известного полковника запаса Путина. На этот счет высказывается множество догадок и «достоверных» версий.

В этой книге собраны не догадки и не версии, а сообщения наиболее осведомленных людей – Егора Гайдара, Бориса Немцова, Анатолия Чубайса, Валентина Юмашева, Татьяны Юмашевой (Дьяченко), Александра Волошина.

С ними беседует писатель-документалист Олег Мороз.

Москва

«Маска»

2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всерьез о преемнике Ельцин стал задумываться сразу же после выборов 1996 года. Эти выборы дались ему, мало сказать, нелегко – в течение предшествовавшего им года он чуть не отдал Богу душу, перенес пять (!) инфарктов. Пятый – за неделю до второго тура, 26 июня (второй тур голосования – 3 июля). Тут волей-неволей по-настоящему задумаешься о престолонаследнике.

В ноябре того года Ельцину сделали операцию на сердце. Состояние его вроде бы улучшилось. Однако прежней работоспособности он так и не обрел.

По мере приближения следующего выборного цикла разговоры о преемнике становились все более внятными и определенными...

Дефолт, случившийся в августе 1998 года, стал для Ельцина тяжелым ударом, каким, возможно, не был ни август 1991-го, ни октябрь 1993-го. И дело тут не в силе самих ударов: тогда, в моменты предшествующих кризисов, Ельцин был моложе, сильнее физически и психологически, легче переносил потрясения, которые обрушивала на него судьба...

Бывшие помощники президента пишут в книге «Эпоха Ельцина»:

«Финансовый кризис (1998 года. – **О.М.**) пришелся почти на середину второго президентского срока Ельцина и надломил его. В оставшийся срок уже даже не пытались искать какие-либо другие стратегические варианты продолжения реформ. Президент практически перестал интересоваться экономикой. Финансовый пожар лета 1998 года будто выжег какой-то участок его мозга...

...Весь оставшийся срок президент посвятил поиску преемника **ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ И КУРСА** (выделено мной. – **О.М.**)».

Что такое преемственность курса, – это, в общем-то, понятно. Курс Ельцина был прозрачен, как стекло. Преемник должен был продолжить проводившуюся им линию на демократические, рыночные реформы. Более неопределенное понятие – «преемственность власти». Это можно понять так, что человек, воспринявший эту власть, не допустит резких перемен в ее структуре, способах управления, в кадрах... Наконец, – что он не допустит каких-либо притеснений, ущемления прав своего предшественника и его близких.

Нетрудно было предположить, что больше всего Ельцина заботила именно преемственность курса. Установление демократии в России, построение рыночной экономики, хотя бы ее основ, – это то, чему он посвятил финальную, лучшую часть своей жизни, благодаря чему надеялся остаться в истории.

Задача нахождения преемника, способного продолжить ельцинский курс, распадалась на две: предстояло отыскать человека, который, во-первых, был бы сам искренне, твердо привержен демократии и рынку, готов был «костьми лечь» за утверждение этих ценностей, и, во-вторых, – был бы достаточно сильным политиком, государственным деятелем, чтобы установить демократический, рыночный порядок в стране, все еще охваченной послереволюционным хаосом (имея в виду Великую либерально-демократическую революцию конца 80-х – начала 90-х годов) и обеспечить дальнейшее продвижение по пути, намеченному Ельциным.

Найти преемника, который продолжил бы его курс, Ельцину так и не удалось.

Как все-таки Борис Николаевич умудрился так промахнуться? Ведь столько сил было положено, чтобы отстоять демократию на земле российской! И август 1991-го, и октябрь 1993-го, и июль 1996-го (выборы)... Это, конечно, крайние моменты. Но и в промежутках тоже было не легче. И так вот просто взять и все отдать человеку, который развернет страну в обратном направлении!

Прежде всего, непонятно, как могло не насторожить Ельцина гэбистское прошлое Путина. Для многих именно это – главное недоумение. Одна моя знакомая, узнав, что Путин стал ельцинским преемником, так прямо и рубанула: дескать, это назначение – грубая ошибка. Она, мол, не знает, кто за человек конкретно Путин, зато хорошо знает другое: в КГБ не может быть хороших людей.

Конечно, суждение чересчур категоричное: везде есть неплохие люди, но в устах наших сограждан, в стране, натерпевшейся от гэбистов (сотрудников организации, сменившей несколько названий и, соответственно, аббревиатур, - ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ, ФСК, ФСБ), такие суждения не вызывают большого удивления.

То, что Бориса Николаевича не насторожило это путинское прошлое, тем более удивительно, что он – партийный функционер, прошедший все ступеньки советской карьерной лестницы, – лучше других знал, что представляло собой это ведомство.

В этой книге довольно подробно представлено, что думают о преемничестве Путина люди предельно осведомленные в этом вопросе. Четверо из них – Валентин Юмашев, Татьяна Юмашева (прежняя фамилия – Дьяченко), Александр Волошин, Анатолий Чубайс – были непосредственными свидетелями того, как происходила «рокировка» Ельцин – Путин. В какой-то степени – даже участниками ее осуществления. Егора Гайдара подробно проинформировал об этом сам Борис Николаевич: они с Гайдаром не только вместе, плечом к плечу, начинали либеральные экономические реформы в России в девяностые годы, но и особенно тесно общались на даче у Ельцина в последний период его жизни. Борис Немцов не входил в «ближний круг» соратников

Бориса Николаевича в тот момент, когда решался вопрос о преемничестве, но тоже долго работал с Ельциным и, главное, был первым, кому Ельцин, еще в 1994 году, вознамерился после своего ухода передать президентский пост, в таком качестве не раз представлял его зарубежным лидерам. Фактически четыре года – с 1994-го по 1998-й – Борис Ефимович пробывал в роли потенциального преемника, так что лучше, чем кто-либо другой представлял себе «кухню», в которой «пекутся» российские президенты.

Егор ГАЙДАР:

«САПЕР ОШИБАЕТСЯ ЛИШЬ ОДНАЖДЫ»

Был ли Ельцин демократом?

Первое, что приходит в голову: может быть, он и сам, Ельцин, не был так уж крепок в своих демократических убеждениях? В конце концов, кто он сам по своей «генетике», по своему жизненному опыту? Коммунист, парработник. Может быть, весь этот демократический налет – это так, сверху, что-то неглубокое, неосновательное? Что вообще им двигало, когда он взялся проводить демократические реформы? Обо всем этом беседую с Егором Гайдаром – человеком, который бок о бок с Ельциным начинал эти реформы. Разговор наш 15 мая 2006 года.

Знал ли Гайдар Ельцина? Да, он долго с ним работал в разных качествах, бесконечное число раз общался, причем в самых различных ситуациях, в том числе и кризисных. Но при этом его ответ на вопрос, знает ли он Ельцина, лишен самоуверенности и безапелляционности.

– Мне кажется, – говорит Гайдар, – что я его неплохо понимал. Тем не менее, должен сказать, что именно потому, что я его неплохо понимал, для меня он оставался человеком поразительно загадочным. В общем, я бы сказал так: я думаю, что я лучше других знал, что я его не знаю.

Такой вот парадоксальный ответ.

Как-то в 1996 году, незадолго до президентских выборов, бывший пресс-секретарь Ельцина Вячеслав Костиков заявил, что Ельцин никогда не был демократом. Гайдара тогда попросили прокомментировать эти слова. Он сказал, что в тот период, когда он работал с Борисом Николаевичем, у него не было оснований сомневаться, что он демократ. А как Гайдар ответил бы на тот же вопрос сегодня (в момент нашего разговора), спустя десять лет: Ельцин демократ или нет?

Мой собеседник говорит, что ответил бы точно так же. И даже усиливает свой положительный ответ: в то время, когда он, Гайдар, работал с Ельциным, у него не только не было оснований сомневаться, что Борис Николаевич убежденный демократ, но у него было твердое убеждение, что демократия для Ельцина – это не игрушка, а очень серьезная ценность.

– По-моему – подчеркиваю, по-моему, – говорит Гайдар, – он воспринимал себя как человека, который принес России свободу. И для него это было очень ценно.

– Ельцин действительно принес России свободу, – естественно, соглашаюсь я. – Вполне очевидно, однако, что между этой его исторической миссией и его же, скажем так, генетикой, воспитанием, жизненным опытом, в общем, – его человеческой сущностью постоянно происходил конфликт.

– Конечно, такой конфликт был, – подтверждает Гайдар. – Потому что Борис Николаевич происходил из совершенно другого общества, другой эпохи. Но при этом он был поразительно ярким и талантливым человеком...

Как известно, в советское время яркость, талантливость вовсе не помогали подняться наверх. Напротив, эти качества приходилось скрывать, чтобы не выделяться на общем сером фоне. А вот «яркий и талантливый» Ельцин сумел добраться до самой вершины коммунистического Олимпа – стал первым секретарем столичного горкома партии, кандидатом в члены Политбюро.

Гайдар объясняет это так:

– Советская политическая элита, как говорится, ПРОСТО ПРОМОРГАЛА ЕГО ПОЯВЛЕНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЦЕНЕ И ВОЗНЕСЕНИЕ НАВЕРХ (выделено мной. – О.М.) Потому, что в это время она уже была очень склеротичной, очень деинтеллектуализированной.

Проще говоря, – поглупевшей, утратившей политическое чутье. Как можно было проглядеть такого политика в тоталитарной стране, где вроде бы все всегда были уверены: подобных неординарных политиков не было, нет и быть не может? Это просто поразительно!

«Ему удалось то, что не получилось у Кромвеля»

Итак, Егор Гайдар считает Ельцина убежденным демократом. Однако я напоминаю ему, что его, Гайдара, отношение к Борису Николаевичу несколько раз круто менялось: в январе 1996 года, после того как Ельцин отправил в отставку с поста первого вице-премьера Анатолия Чубайса, Гайдар заявил о полном разрыве с президентом, добавив, что не может себе представить таких обстоятельств, которые побудили бы его восстановить их отношения; потом, во время встречи с Ельциным тет-а-тет в конце февраля того же года, Егору Тимуровичу, по его словам, показалось, что он увидел перед собой прежнего Ельцина – Ельцина конца 80-х – начала 90-х годов; в дальнейшем, где-то в конце апреля 1996 года, Гайдар призвал «Демвыбор», который он тогда возглавлял, голосовать за Ельцина, хотя прежде был против этого. Я полагаю, перечень одних только этих колебаний

Егора Тимуровича (а были и другие) несколько противоречит той однозначной оценке, которую он дает Ельцину сегодня.

Гайдар признает, что в прошлом не всегда оценивал Ельцина так, как оценивает сейчас:

– Опыт показывает, что в политике лучше никогда не говорить «никогда». В этом ракурсе надо смотреть и на то, что я говорил в январе 1996 года... Кстати, непосредственным поводом для этого была не отставка Чубайса, а события в Первомайском... Знаменитые ельцинские слова о «38 снайперах»... (Дескать, каждый снайпер держит на прицеле «своего» боевика и, когда будет приказ, все они будут ликвидированы. С ними будет быстро покончено. Довольно нелепое представление о том, что реально тогда происходило в первомайском. – **О.М.**)... Так вот, когда я все это смотрел по телевизору – про «38 снайперов», – мне действительно показалось, что я больше никогда политически не смогу поддерживать Ельцина. Но политика такая вещь... Я потратил массу усилий, чтобы найти и выдвинуть какого-то альтернативного демократического кандидата. Избираемого. Уговаривал Бориса Немцова, который тогда был весьма популярен, стать таким кандидатом. Вел переговоры с Явлинским о нашей совместной поддержке Немцова... Но к апрелю стало ясно, что у нас нет другого выбора, кроме как поддержать Бориса Николаевича Ельцина. И я никогда не пожалел, что сделал такой выбор. Реальной альтернативой Ельцину тогда был лишь Зюганов, поддержать которого, понятно, мы никак не могли.

То, что демократы в ту пору решили голосовать за Ельцина, опять-таки еще не говорит о том, что сам Ельцин был убежденным демократом – просто у демократов, как видим, в тот момент не было другого выбора.

О том, что Борис Николаевич не принадлежал к числу таких уж последовательных демократов, говорят не только чьи-то субъективные оценки и мнения, но и реальные факты. Взять хотя бы затеянную им войну в Чечне и один из самых позорных ее

эпизодов – бессмысленное уничтожение того же Первомайского, убийство заложников (раз уж речь зашла о «38 снайперах»).

– Тем не менее, – говорит Гайдар, реагируя на мое напоминание об этой стороне ельцинской деятельности, – я считаю его исторической фигурой. Причем очень необычной в мировой истории. Это человек, который начал революцию, политически пережил ее, не допустил в ходе ее полномасштабной гражданской войны, сохранил власть в процессе тяжелейшего перехода от старой экономической системы к новой, передал эту власть человеку, которого он сам выбрал и поддержал. Честно говоря, я не помню других таких примеров в истории. Кромвелю такая передача власти не удалась. Кстати, и Ленину тоже...

Ленину много чего не удалось. А что удалось, – лучше бы не удавалось... В принципе, я согласен со всеми из перечисленных Гайдаром заслуг Ельцина, кроме одной, последней – о ней-то, об этой «заслуге», а точнее, о главной ельцинской ошибке и идет сейчас речь...

Что было для него главным?

– Вот вы говорите, – обращаюсь я к своему визави, – что Ельцин чувствовал себя человеком, который принес России свободу, гордился этим. Вы уверены, что в этой гордости на первом месте стоит именно «свобода», а не «принес России»? Разве не могло им двигать просто мессианство. Оно ведь движет многими политиками, госдеятелями. Человек возлагает на себя миссию – что-то принести стране, миру. А что именно, – не так уж важно. Неважно и то, что получится в итоге. Вот Путиным, по-видимому, тоже движет мессианство: он полагает, что несет России нечто более ценное, чем свобода, – порядок (как он его понимает), утраченное имперское величие. Однако порядка не получается, получается род анархии – тотальная коррупция, какой, по-видимому, не было в российской истории. Возможно, и Ельцину просто-напросто хотелось принести России что-то такое этакое. Вообще, у политика, помимо вечного стремления обрести и удержать власть, должна быть какая-то понятная людям «благородная» цель. Такую цель он не всегда может

сформулировать сам. Но вот подворачивается человек или группа людей, которые подсказывают ему какие-то идеи. Он берет их на вооружение и – вперед.

Напомню, как Ельцин воспринял идеи Гайдара. По словам Геннадия Бурбулиса, тогдашней правой руки президента, когда стало ясно, что топтание на месте становится губительным для страны, было решено создать несколько параллельных групп, поставив перед ними задачу разработать внятную программу экономических реформ. В этом направлении работали группа Сабурова, группа Гайдара... Продолжались и контакты с Явлинским... Главным основанием для выдвижения Гайдара на роль ведущего реформатора стали итоги работы его группы. Он, так сказать, выиграл конкурс.

Впрочем, сам Ельцин вспоминает об этом несколько иначе. Да, на стол ему легли различные «концепции, программы», из которых надо было выбрать наиболее подходящую. Да, госсекретарь Геннадий Бурбулис советовал ему остановиться на программе Гайдара. Однако решающими для президента стали иные мотивы:

«Гайдар, прежде всего, поразил своей уверенностью. Причем это не была уверенность нахала или уверенность просто сильного, энергичного человека, каких много в моем окружении. Нет, это была совершенно другая уверенность. Сразу было видно, что Гайдар... очень независимый человек, с огромным внутренним, непоказным чувством собственного достоинства. То есть интеллигент, который, в отличие от административного дурака, не будет прятать своих сомнений, своих размышлений, своей слабости, но будет при этом идти до конца в отстаивании принципов, потому что... это его собственные принципы, его мысли, выношенные и выстраданные. Было видно, что он не будет юлить. Это для меня было неоценимо...»

Всякий, кто когда-либо сталкивался с Егором Тимуровичем, подтвердит, что это совершенно точная его характеристика.

Но речь здесь не об этом: вариант реформ, предложенный Гайдаром, Ельцин выбрал не потому, что признал этот вариант лучшим, а по той причине, что ПОВЕРИЛ ЧЕЛОВЕКУ, который его предложил.

Политик должен быть эффективным

– Конечно, Ельцин – талантливый политик, – продолжает наш разговор Егор Гайдар. – А талантливый политик не может существовать, если он не эффективен. То есть если он не умеет мобилизовывать общественную поддержку. Особенно тогда, когда это критически важно. Поэтому, естественно, он должен адресоваться к тому обществу, которое есть. В кругу интеллектуалов мы можем бесконечно дискутировать о ключевых стратегических вопросах развития ситуации в России. У меня есть много знакомых и друзей, которые высказывают крайне интересное для меня и вообще стратегически верное мнение по этим вопросам, но среди них нет ни одного, кто был бы способен получить такую электоральную поддержку, которую, допустим, получил Ельцин в Москве в 1989 году, – 90 процентов.

Я возражаю моему собеседнику: 90 процентов Ельцин набрал тогда по московскому территориальному округу на выборах народных депутатов; ему противостоял гендиректор ЗИЛа Браков – фигура, поддерживаемая официальными властями: то были первые многопартийные выборы, и, естественно, избиратели с треском провалили кремлевского ставленника Бракова, но это еще не говорит о 90-процентном рейтинге Ельцина. В целом по России поддержка Бориса Николаевича была существенно меньше: ее пик, который пришелся на президентские выборы 12 июня 1991 года, составлял около 57 процентов (чуть раньше, по опросам, у него было 60 процентов).

– Те первые президентские выборы, – возражает мне Гайдар, – проходили в условиях, когда государственный аппарат был не в руках Ельцина. А в руках тех, кто делал все, что можно, чтобы его не избрали. Против Ельцина работала вся государственная пропагандистская машина. Людям рассказывали, какой он пьяница, что он делал во время визита в Вашингтон... Это была мощная пропагандистская машина, которая считалась очень приличной в мире. Она вся действовала против него. И вот когда вся официальная пропаганда, весь государственный аппарат страны, в которой 75 лет существовал

тоталитарный режим, работает против тебя, а ты получаешь 57 процентов, – это впечатляющий результат.

Он отвергал коммунистические традиции

Я возвращаю разговор к вопросу о том, что все-таки двигало Ельциным в его реформаторской деятельности – тяготение к мессианству или, прежде всего, действительно желание дать стране свободу, утвердить демократию?

– Он, повторяю, был прирожденный политик, – говорит Гайдар. – Что им двигало как политиком? Стремление к власти, свойственное всякому амбициозному политику, желание изменить страну и решить комплекс очевидных тяжелейших проблем, дать ей новую траекторию развития, сделать ее свободной, сделать ее похожей на наиболее развитые страны. Наверняка это была такая вот сложная смесь мотивов. Я даже не думаю, что он сам смог бы ответить на этот вопрос, – что им двигало в первую очередь. Уж не говоря о том, чтобы это сделали люди, которые с ним много работали и считают, что они его неплохо знают. Но, на мой взгляд, в его мотивах роль чистой идеи о том, что Россия должна быть такой, как развитые, преуспевающие страны, где люди живут намного лучше, чем у нас, – была велика. И еще – он отвергал прошлые коммунистические порядки, альтернативой которым как раз и была демократия. Вот, вы знаете, очень характерный случай, многое расставляющий для меня по своим местам при обсуждении приоритетов Бориса Николаевича Ельцина. Он произошел в 1992 году, где-то весной. Может быть, вы помните, – в ту пору наше правительство очень много ругали за то, что мы не разъясняем смысла своей деятельности, что мы не ведем пропагандистской работы, что у нас нет пропагандистской машины, которая информационно поддерживала бы начатые реформы. Это писали и говорили люди, мнение которых я высоко ценю, в том числе мой отец. Он мне говорил об этом, по меньшей мере, раз десять...

(В скобках напомним: отец Егора Тимуровича Тимур Аркадьевич Гайдар был журналистом. То есть человеком, так или иначе, тоже активно вовлеченным в жизнь

страны. По-моему, он тогда не только уговаривал сына разъяснять людям смысл реформ, но и сам предпринимал какие-то практические шаги в этом направлении. Во всяком случае, Тимур Аркадьевич, помнится, звонил, в частности, и мне, призывая присоединиться к некоей группе демократических журналистов, намеренных заняться активной разъяснительной работой, нацеленной, прежде всего, на провинцию, которая вообще плохо понимала, что происходит в стране...)

– ... И вот в какой-то момент, – продолжает Гайдар, – я пришел к Борису Николаевичу и поставил перед ним вопрос о создании некоей специальной структуры, которая системно, на регулярной основе занималась бы разъяснением смысла реформ, соответствующей пропагандой... Вообще-то, это не входило в мою сферу компетенции – я отвечал за экономику и социальную политику. И вообще не в традиции России, чтобы пропагандой занималось правительство. Раньше этим занимался ЦК КПСС, потом – Администрация президента. Но вот я счел целесообразным выступить с таким предложением. Какова же была реакция Бориса Николаевича? Он сказал мне примерно следующее: «Егор Тимурович, вы хотите мне предложить воссоздать Отдел пропаганды ЦК КПСС? Так вот при мне этого не будет!» Это о многом говорит. Ведь сколько лжи, клеветы выливалось тогда и на него, и на всех нас! И чтобы он или кто-то по его поручению хотя бы раз позвонил на телевидение, на радио, в какую-то газету и отчитал кого-то даже и за прямую ложь, за прямую клевету, не говоря уже о каком-то просто «нежелательном» для власти выступлении, как это сплошь и рядом бывало при коммунистах (этим чаще всего занимался тот же Агитпроп ЦК)! Не было этого при Ельцине. Так что, еще раз скажу, отторжение от коммунистического прошлого, коммунистических методов управления стояло на одном из первых мест среди мотивов Ельцина. Оно оказывалось доминирующим даже тогда, когда ему предлагали вроде бы что-то достаточно рациональное, но в чем он усматривал ненавидимую им коммунистическую традицию.

Так почему он ошибся?

Напоминаю собеседнику: после выборов 1996 года Ельцин основательно занялся поиском «наследника» – такого человека, который обеспечил бы «преемственность власти и курса», а после дефолта 1998 года почти целиком сосредоточился на этой задаче. Вполне очевидно, говорю, что решить ее Ельцину так и не удалось: при Путине, как мы знаем, курс был резко изменен. Спрашиваю Гайдара, как он думает, в чем заключалась ошибка Ельцина? Он плохо разбирался в людях или его главной целью было все-таки не обеспечение преемственности курса, а что-то другое?

Гайдар категорически отвергает это «что-то другое»:

– Абсолютно убежден: главным приоритетом для него был вопрос о том, куда пойдет Россия. Главным для него было – обрести уверенность: все, что он делал, это не напрасно, это не будет пересмотрено.

Но это-то, говорю, и оказалось в значительной степени деформировано, изменено...

– Я вам скажу так, – говорит Гайдар, – всякий человек, который имеет дело с Россией на переломных этапах ее развития, сталкивается с рисками когда-то сделать ошибку. Повторяю, я убежден, что Борис Николаевич, в первую очередь, думал о сохранении курса. И по состоянию на конец 2002-го – начало 2003 года мне казалось, что он не сделал ошибки при выборе преемника. К этому времени были проведены фундаментальные позитивные реформы. Была обеспечена частная собственность на землю. Проведена радикальная налоговая реформа, стабилизированы финансы. Было сделано очень много по модернизации трудового законодательства... В общем, казалось, что развитие событий в целом позитивное. Оно идет в том направлении, которое было задано при Ельцине. Нетрудно было убедить себя в том, что мы успешно прошли этот тяжелейший период нашей истории, вышли на путь поступательного развития страны. Это был момент, когда отношение мировых элит – интеллектуальных, политических, финансовых, экономических – к России достигло высшей степени благожелательности. То

есть, по крайней мере, на три года Ельцин спрогнозировал действия своего преемника достаточно адекватно. Три года – это немало.

Я возражаю Гайдару, что сказанное им все же относится в основном к экономической сфере деятельности Путина. А вот поле демократии в России уже тогда начало скукоживаться.

Гайдар не согласен:

– Я могу вам сказать за себя. О том, как я видел ситуацию, скажем, весной 2002 года. У меня не было ощущения, что демократия в России скукоживается (это не значит, что я был прав). Да, у меня не было убежденности (и я говорил об этом еще до того, как Путин стал президентом), что он верит, что демократия России нужна, по крайней мере, сегодня. Для меня здесь стоял большой вопросительный знак. Я был убежден, что он хочет, чтобы в России проводилась полезная и ответственная экономическая политика, что он будет реалистом в вопросах внешней политики... Мне кажется, что ему слишком часто рассказывали, как Горбачев был неправ, когда он пытался соединить либерализацию экономики и политики. Я видел риски демонтажа демократических институтов, системы сдержек и противовесов, но именно риски.

Наш разговор, однако, напоминаю я собеседнику, происходит не в 2002-м и не в начале 2003 года, а почти в середине 2006-го...

– Ну, конечно, за время между 2002 годом и сегодняшним днем у меня отношение к происходящему во многом изменилось... – соглашается Егор Тимурович.

Была ли альтернатива Путину?

В 1996 году, как уже говорилось, перед президентскими выборами, Гайдар, «Демвыбор» долго и мучительно искали альтернативу Ельцину. Так и не нашли ее. А была ли, на взгляд Егора Тимуровича, у самого Ельцина в 1998-м – 1999-м более или менее

приемлемая альтернатива при выборе преемника? Был ли человек, по крайней мере, не менее надежный, чем Путин, в том, что касается сохранения курса (тогда казалось, что Путин – надежный), и в то же время избираемый? Подчеркиваю – избираемый. То есть, как минимум способный победить Зюганова. Ведь на всех тогдашних выборах кандидату, которого поддерживала более или менее вменяемая часть общества, приходилось бороться с Зюгановым, Зюганов неизменно его «подпирал», имея достаточно высокий рейтинг. Если бы «вменяемый» кандидат оказался недостаточно избираемым, недостаточно популярным, – президентом России стал бы коммунист сталинского разлива. Либо же, возможно, с еще большей вероятностью, им сделался какой-то другой неприемлемый кандидат – Примаков, Лужков... Так вот, кто бы, по мнению Гайдара, мог тогда быть кандидатом, альтернативным Путину (а с другой стороны – Примакову, Лужкову, Зюганову)? Черномырдин? Степашин? В принципе могли, наверное, появиться и какие-то иные фигуры. В конце концов, рейтинг Путина за какие-то полгода удалось «раскрутить» почти от нуля до заоблачных высот. По-видимому, и с кем-то другим можно было бы проделать то же самое?

– Ельцин действительно очень много думал о том, кто будет его преемником, – говорит Гайдар, – подходил к этому вопросу серьезно как к ключевому. Причем всегда имел перед глазами набор альтернатив... Как человек с огромным политическим чутьем, он был весьма компетентен в этих вопросах.

Спрашиваю:

– Этот набор приемлемых кандидатов существовал в реальности или он только стоял у Ельцина «перед глазами», то есть был в его воображении, в его размышлениях?

Гайдар отвечает уверенно:

– Он существовал в реальности.

– А фамилии назвать не хотите?

– Не могу. Этот вопрос – к Борису Николаевичу.

(Тогда еще Борис Николаевич был жив).

Впрочем, я и сам знаю, какой набор приемлемых кандидатов (кроме Путина) имелся у Ельцина. Этот набор был невелик – Черномырдин, Степашин... Хотя, кто знает, может быть, Ельцин держал в голове еще кого-то...

Как бы то ни было, к весне 1999-го из всего возможного набора остался лишь один человек, который и стал реальным преемником.

Он обезвредил максимальное количество мин

Итак, при выборе преемника Ельцин допустил ошибку – обеспечить преемственность курса ему явно не удалось. Какова природа этой ошибки? При всей своей многоопытности, при развитой интуиции, которой он, кажется, очень гордился, Ельцин все же недостаточно хорошо разбирался в людях?

Ответ Гайдара:

– Сапер ошибается один раз. Лидеру, который возглавляет страну в эпоху великой революции, приходится во время своей деятельности обезвредить большое количество мин. Раньше или позже он ошибается... Это относится ко всем революционным лидерам, и к Борису Николаевичу тоже. Так что природа такой ошибки – стохастическая (то есть, как объясняют толковые словари, в основе ее лежит случайность, вероятность. – **О.М.**) Когда ты разминируешь множество мин, вероятность роковой ошибки высока... Что касается того, хорошо ли Ельцин разбирался в людях или не очень хорошо... Из революционных лидеров, которых я знаю в истории человечества, Борис Николаевич сумел разминировать максимальный процент взрывных устройств.

– Следующий мой вопрос, – говорю, – вы, наверное, тоже переадресуете Борису Николаевичу, но я все же хотел бы знать и ваше мнение. Как вы думаете, переживает ли Ельцин сейчас, видя столь серьезные отклонения от намеченного им курса?

– Я знаю ответ на этот вопрос, но я действительно переадресую вас к Борису Николаевичу.

Надо полагать, этот ответ расшифровывается примерно так:

«Да, Ельцин переживает. Сильно переживает». Альтернативным ответом мог бы быть, например, такой: «Мне кажется, сейчас Борис Николаевич взял себе за правило никак не вникать в политику, посвятить себя частной жизни». Но такой ответ, наверное, и скрывать было бы незачем.

Я тоже знаю ответ на свой вопрос, но мне хочется понять, что обо всем этом думает Гайдар.

– Можете ли вы себе представить, – спрашиваю, – что в какой-то момент пенсионер Ельцин выступит с резким заявлением, осуждающим курс Путина?

– Тот же ответ.

Гайдар был одним из самых желанных гостей в доме Ельциных. После отставки Бориса Николаевича он бывал у них довольно часто. Как вспоминает дочь Ельцина Татьяна Борисовна, после обеда они с Борисом Николаевичем обычно уходили вдвоем в гостиную и о чем-то «долго-долго» разговаривали, после чего оба выходили довольные. Перед тем, как сесть в машину, Гайдар говорил провожавшей его дочери экс-президента: «Таня, ты не представляешь, что за человек, твой отец! И что он сделал для России!» В свою очередь, и Борис Николаевич, улыбаясь, делился своими впечатлениями от только что прошедшего разговора: «Да-а! Умнейший человек! России повезло. Какое же удовольствие с ним поговорить!»

Так, что, полагаю, и в момент нашей с ним беседы Егор Тимурович был вполне в курсе того, что думает Ельцин о происходящем в путинской России, собирается или не собирается выступать с какими-то резкими заявлениями. Однако не в правилах Гайдара было рассказывать кому-то, о чем он разговаривал с кем-то тет-а-тет, тем более с первым президентом России, разве что – самым близким друзьям (Чубайсу, может быть).

Правда, я нисколько не сомневаюсь, что все эти разговоры прослушивались и записывались. Но это уже другая тема.

Как бы то ни было, ни с каким заявлением – ни с резким, ни с нерезким – Ельцин так и не выступил.

– Тогда вопрос, относящийся непосредственно к вам, – говорю я Гайдару, продолжая нашу беседу. – Сейчас ведь корежится и многое из того, что вы сами сделали и к чему стремились в девяностые годы, – происходит деприватизация, национализация, незаконный захват собственности чиновниками, подмена законов рынка чиновничьим произволом, создание государственных супермонополий, таких, как «Газпром», «Роснефть», «Рособоронэкспорт» (это при том, что у нас существует специальное антимонопольное ведомство). Вы переживаете по этому поводу или взираете на происходящее с философским спокойствием как на неизбежное? Возлагаете ли вы, среди прочего, вину и на Ельцина, который не сумел найти достойного преемника?

– Начну с ответа на второй вопрос, – говорит Гайдар, – вину на Ельцина за это не возлагаю. Ответ на первый вопрос: да, переживаю; мне не кажется это разумным.

«Переживаю, мне не кажется это разумным...» Ничего себе переживания! От таких переживаний не умирают.

– Вы говорите, что переживаете по поводу происходящего... Но в ваших публичных выступлениях, где вы критикуете действия нынешних властей, не слышится личностного мотива. Поймите меня правильно: я вовсе не призываю вас публично рвать на себе волосы, демонстрируя разочарование и отчаяние. Просто мне хочется понять, каковы реальные, не выдуманные, не «литературные» чувства людей, оказавшихся сейчас в таком положении, как Ельцин и вы.

– Позвольте ответить вопросом на вопрос. Как вы думаете, что чувствуешь, когда тебе кажется, что ты уже вытащил свою страну из трясины, а потом видишь, как ее снова туда затягивает?

Вот это другое дело. Это уже ответ.

– Как вы думаете, осознает ли сам Путин, что он совершил по отношению к Ельцину своего рода предательство? Не тяготит ли его это, хотя бы иногда?

Егор Тимурович пожимает плечами:

– Он ведь никогда не приносил присягу на верность курсу тех реформ, которые проводились в России при Ельцине.

– Вы полагаете, они, Ельцин и Путин, не говорили об этом во время двух своих последних встреч незадолго перед 31 декабря 1999 года. Я имею в виду, – разве Путин не обещал Ельцину, что реформы будут продолжены?

– Об этом, на мой взгляд, легче было бы судить тем, кто присутствовал при двух их последних разговорах в 1999 году. Однако, насколько я знаю, Ельцин и Путин говорили наедине.

Это действительно так, но обещания, что при нем, при Путине, страна будет продолжать движение к демократии и рынку, Путин ПУБЛИЧНО произносил не однажды, и до отставки Ельцина, и после. Так что если даже он не обещал это непосредственно Борису Николаевичу в их беседах, – он обещал это ВСЕМУ НАРОДУ.

Борис НЕМЦОВ:

« ПРИЧИНА ОШИБКИ – БОЛЕЗНЬ, СОВЕТЫ ЛОББИСТОВ »

Несостоявшийся ужин в «Трех поросятах»

Одно время довольно тесно сотрудничал и часто встречался с Ельциным Борис Немцов. (Кстати, он был первым, кого Ельцин, еще летом 1994-го, назвал своим будущим преемником, в таком качестве не раз представлял его зарубежным лидерам).

С Борисом Ефимовичем мы встретились для беседы о Путине в феврале 2008 года у ресторана «Три поросенка» возле Останкинской башни. В этом ресторане он часто бывал и меня пригласил поужинать. Подъехал на черном джипе. С ним был водитель и какая-то женщина – то ли жена, то ли подруга, он нас не представил друг другу.

– А где ваша охрана? – удивился я.

– У меня нет охраны, - ответил Немцов. И добавил уверенно. – Он меня не посмеет убить.

Его убили через 8 лет, тоже в феврале. Но вряд ли в этом был замешан Путин, хотя некоторые соратники Немцова склонны подозревать именно его как главного заказчика убийства: к тому времени Борис Ефимович уже много лет был в непримиримой оппозиции к президенту и подчас позволял себе довольно резкие, «на грани фола», высказывания о нем. Скорее всего, его убил тот, кому очень хотелось выслужиться перед Путиным.

Помимо всего прочего, не стоит забывать: было время, даже еще и в начальную пору путинского президентства, когда между Немцовым и Путиным существовали довольно близкие не только служебные, но и товарищеские отношения. Читаем в книге Немцова «Исповедь бунтаря»:

«Как-то Потанин, Путин и я поехали в Австрию, в Сент-Антон кататься на горных лыжах. Путин только что стал президентом России. В Австрии тогда проходил Кубок мира по горнолыжному спорту, и мы хотели посмотреть, как все устроено, чтобы попытаться организовать нечто подобное в России.

Арендовали в горах небольшое шале, окруженное австрийским спецназом – дивизией горных стрелков «Эдельвейс».

Путин сказал: «Давайте размещайтесь, и пойдёмте ужинать».

Мы спускаемся вниз, и тут я вижу длинноногих девушек – человек десять. Мы с Потаниным в шоке проходим мимо. Оказывается, девушек привез известный «промоутер» Петя Листерман.

Я спрашиваю:

– Петя, что это?

– Ну, вы же тоже мужики, в конце концов.

Доходчиво так сказал.

Спускается Путин, молча проходит мимо девушек, которые все на голову выше президента, подходит ко мне и спрашивает:

– Ты зачем их сюда привез?

– Почему вы решили, что это я?

– А кто же, кроме тебя, мог такое придумать?

Петя Листерман в этот момент испарился, просто растаял в воздухе.

Решили ночью покататься на лыжах, людей нет, трасса свободная. Гора оказалась довольно крутой и длинной, но трасса освещена. Охранники российского президента тогда еще катались плохо и только мешали всем. Получилось, что должны охранять президента, но как это сделать, не знали – падали, как мухи. Австрийские стрелки, наоборот, летали как птицы. Короче, российских телохранителей пришлось убрать, на трассе остались только австрийские спецназовцы. Но случилось горе: Владимир Владимирович упал. Путин летел кубарем метров сто, потому что склон был очень крутой. Мы замерли. Наконец он остановился и лежит на снегу, руки – в разные стороны... Мы с Потаниным подъезжаем, а летающие бойцы «Эдельвейса» метрах в двадцати взяли нас в кольцо. Вижу – все нормально.

– Владимир Владимирович, вы, когда долбанулись, о Родине думали? – спрашиваю, глядя на Путина.

Потанин говорит:

– А я, Владимир Владимирович, вообще ничего не видел, – и, показывая на меня, – Кто этот человек, Владимир Владимирович? Я его не знаю!

Посмеялись, отдохнули и поехали дальше».

Пужинать в «Трех поросятах» нам тогда, в феврале 2008-го, не довелось. Немцову позвонили по мобильному: в каком-то отеле на Тверской – то ли в «Национале», то ли в новом «Ритц-Карлтоне» (посроенном недавно на месте снесенного «Интуриста») – его ожидает какой-то важный иностранный деятель. Ни отменить, ни перенести эту, по-видимому, важную для него, хотя и неожиданную, встречу Борис Ефимович не мог. Извинился, пригласил в свой джип – поговорим в дороге. Так и говорили, под запись, около часа, продираясь сквозь московские пробки. Перед поворотом с Трубной на Страстной бульвар пробки окончательно нас задушили. Мы с Немцовым вышли из машины и быстрым шагом пошли вверх по бульвару в сторону Тверской, продолжая наш разговор о Путине.

Пожали друг другу руки на пересечении бульвара с Петровкой. Я пошел налево к метро, Немцов продолжил свой путь по прямой к бывшей улице Горького.

Они были абсолютными антиподами

Немцов, как многие, не перестает поражаться, насколько несхожи, насколько контрастны фигуры предшественника и преемника – Ельцина и Путина.

– Назначить своим преемником собственного прямого антипода! – говорит Немцов (повторяю, мы с ним беседуем в феврале 2008 года). – Это надо было умудриться! Смотрите... Выбирая между цензурой и свободой слова, Ельцин безоговорочно был за

свободу слова; Путин – за цензуру. Выбирая между бюрократией и частным предпринимательством, Ельцин был за частное предпринимательство, Путин – за бюрократию. Ельцин очень гордился тем, что он установил добрые отношения со странами СНГ, с Европой, с Америкой, Путин же считает своим долгом со всеми поссориться... То есть стопроцентные антиподы! Все другое!

Да, всех ругать, всех обличать, всем угрожать «кузькиной матерью», на всякое слово критики огрызаться, попросту хамить («учите свою жену щи варить!») – это, по мнению Путина и его советников, означает поднимать роль России в мировой политике. Им – Путину и его подсказчикам – представляется, что они тут открывают что-то новое. На самом деле все это, от и до, было пройдено в коммунистические времена (вспомнить хотя бы, как Хрущев в ООН стучал по столу снятым с ноги ботинком) и ничего хорошего стране не принесло – одно только всеобщее недоумение и презрение.

Немцов вспоминает, как Ельцин переживал, когда убили Влада Листьева: он воспринимал эту боль как свою – приехал в Останкино, плакал вместе с журналистами... И сравнить это с тем, как повел себя Путин после убийства Анны Политковской, – на весь мир цинично заявил, что это убийство нанесло его, путинской, власти больший ущерб, чем статьи убитой журналистки...

Среди прочего, Немцов не перестает удивляться и тому, что среди кандидатов в преемники Ельцин мог числить – правда, в разное время – два таких разных типа, как Путин и он, Немцов.

– Вот как у одного человека в одной голове могли уместиться два таких разных преемника? – недоумевает Борис Ефимович. – Кстати, когда меня Клинтон доверительно спросил: «Все-таки, как ты считаешь, что за человек Борис Ельцин?» – я ему ответил, что, безусловно, человек он необычный, хотя бы потому, что у него было два таких разных преемника – Путин и Немцов. И так вот однозначно ответить на этот вопрос, – как такое могло быть? – думаю, никому не удастся. Могу лишь сказать, что Ельцин был русским человеком.

Русские тоже бывают разные...

Из книги Немцова «Исповедь бунтаря»:

«Окончательный выбор преемника Борисом Ельциным для меня стал абсолютно неожиданным. Узнав фамилию, я опешил: только пластилиновый народ, который хорошо прогрели на солнце и долго разминали, может проголосовать за человека, который начинает свою политическую карьеру с президентских выборов.

Я не мог поверить, что мало кому известного незаметного полковника КГБ-ФСБ Путина можно избрать за полгода на высший пост в государстве. Я хорошо знал Владимира Владимировича, он никогда ничем не выделялся на фоне серой массы государственных чиновников и никогда не имел особых заслуг перед Отечеством.

И я, и Чубайс – мы испытали шок от решения президента выбрать в преемники Владимира Путина... Нам казалось, что Сергей Степашин, несмотря на особенности своего характера, более всех подходил на роль следующего президента страны. Степашин, возглавивший на четыре месяца правительство (точнее – на три. – **О.М.**), действовал очень осторожно. Он вообще достаточно мягкий человек, компромиссный и порядочный. Мы были уверены, что Степашин не наломает дров. Для России такой президент означал бы движение вперед.

Сейчас я понимаю, что произошло и почему вдруг появился Путин. Имя Путина всплыло в цейтноте, когда до выборов оставались месяцы. Ельцин не доверял ни Примакову, ни Лужкову, ни Черномырдину. Окружение же убеждало его: нужен такой президент, который обеспечит и ему личную безопасность. Окружению было безразлично, куда новый президент поведет страну, они думали о себе. Вот и выбрали кандидата под свои интересы. С Немцовым им было все ясно, Явлинский их все время ругал, Степашин оказался слишком гибким. Окружение искало человека, который был бы им всем обязан, надежного, который держал бы слово.

Кто такой Путин, мало кто тогда знал. Он был настолько неприметным, что на него не реагировал даже мой секретарь. Как-то ко мне в приемную звонит директор ФСБ, а секретарь отказывается соединить со мной и требует представиться. Тот в ответ: «Путин Владимир Владимирович, директор ФСБ». Секретарь передает мне: «Там какой-то Путин звонит. Говорит, что он начальник ФСБ. Что с ним делать?»

Помню случай, который потряс меня до глубины души. 1998-й год. По всей стране бастуют шахтеры. Сидят на Горбатовом мосту перед зданием правительства и стучат касками по мостовой. Березовский этот спектакль спонсирует и подвозит забастовщикам бутерброды. Вся страна блокирована: Транссиб, Северная железная дорога, Северо-Кавказская дорога... Железнодорожное движение парализовано по всей России.

Правительство принимает решение разблокировать железнодорожные трассы. Бывший премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер говорила мне твердо и безапелляционно: «Борис, их надо разгонять при помощи полиции. Они – враги России». Мы понимали, что страна вот-вот развалится на куски по экономическим соображениям, ведь Транссиб – единственная железная дорога, связывающая Дальний Восток и Сибирь с центром России... На Северо-Кавказской дороге собралось столько пассажиров с детьми, ехавших на отдых, что там создалась в прямом смысле взрывоопасная обстановка... Более ста составов простаивали в поле и на станциях на юге. Кругом антисанитария, отсутствие элементарных условий. Эпидемия могла вспыхнуть со дня на день...

С другой стороны, шахтеры выдвигали во многом справедливые требования, хотя и был перехлест, подогреваемый обиженными олигархами.

Я как [первый] вице-премьер руководил комиссией по урегулированию ситуации. Собрал экстренное совещание, пригласили всех силовиков. Все пришли, кроме директора ФСБ Владимира Путина... Путин позвонил и сказал, что он прийти не может, потому что у него заболела собака. Я был в шоке и долго не мог прийти в себя. Поведение руководителя ФСБ мне показалось [настолько] вопиюще нелепым, немудрым и

негосударственным, что я отказывался верить в происходящее. Не помню, в каких выражениях я говорил тогда с Путиным, но наверняка не вежливо. Уверен, он не забыл».

Часто говорят, что Ельцину, «положившему глаз» на Путина в пору, когда он собирался выдвинуть его в президенты, нравились в нем такие качества, как четкость, исполнительность, а также твердость и решительность в достижении цели. Но вот характеристика, данная Немцовым будущему президенту в «Исповеди бунтаря»:

«Путин писал мне (первому вице-премьеру. – **О.М.**) всякие справки, будучи начальником контрольно-ревизионного управления Администрации президента. Как-то прислал справку о том, что в ведомстве Чубайса царит хаос, воровство и коррупция. И далее: “Докладываю на Ваше усмотрение”. Но если воровство и коррупция, то зачем “докладывать на мое усмотрение”? Я позвонил Владимиру Владимировичу и спросил: “Вы пишете, что Чубайс – вор и все остальные вокруг него – жулики. Дальше вы должны были написать: „Считаю, что необходимо возбудить уголовные дела“. Вместо этого я вижу странную фразу: „Докладываю на Ваше усмотрение“. Как это понять?” Путин над ответом долго не думал: “Вы начальник, вы и решайте”. Классический пример поведения чекиста. В целом он ничем скандальным не отметился, но и выдающегося сделать ничего не успел. Как Молчалин у Грибоедова: умеренность и аккуратность.

Кстати, в 2005-м ту кляузу Путина я подарил Чубайсу на день рождения, написав резолюцию: “Прошу ознакомиться с обращением В.Путина и принять необходимые меры”».

Пяти лет оказалось недостаточно

Все-таки главный вопрос: как Борис Николаевич умудрился так ошибиться с преемником?

– Это вопрос сложный, – говорит Немцов, – но у меня версия такая: он был в цейтноте. Он искал себе преемника с середины девяностых (во всяком случае, меня он стал называть своим преемником в 1994 году), но, в конце концов, у него не хватило времени...

– Ничего себе цейтнот – с середины до конца девяностых...

– Я думаю, все дело в том, что в последние годы он себя очень плохо чувствовал. Собственно говоря, это началось со времени выборов 1996 года или даже раньше. Во всяком случае, когда я пришел в правительство в 1997-м, я это сразу заметил. Он постоянно был на лекарствах... Мало работал... И это его болезненное состояние не оставляло его ни в 1998-м, ни в 1999 году... Думаю, он чувствовал, что силы его покидают, энергии уже мало... И мало времени... С выбором преемника приходилось торопиться. Ясно, что он не мог довериться человеку, которого совсем не знал. Путина же он к тому моменту знал уже года полтора... Полагаю, не последнюю роль тут сыграли и олигархи, конкретно – Березовский и Абрамович. Путин дружил с ними. Он даже ходил на день рождения к жене Березовского. Наведывался и к Абрамовичу. В свою очередь, одна из главных советниц Ельцина его дочь Татьяна находилась под очень сильным влиянием этой парочки – Абрамовича и Березовского. И прислушивалась к ним. Вот эта-то дружба Путина и близких Ельцину людей с группой олигархов, мне кажется, и сыграла важную роль в продвижении Путина на роль преемника. Сейчас, когда Путин рассказывает сказки про то, что он, мол, в ту пору боролся с олигархами, – это просто дешевое вранье. Он с ними дружил. Боролись с ними мы – я и Чубайс: не допустили Березовского к управлению «Газпромом», не позволили Березовскому и Гусинскому установить контроль над телекоммуникациями – над «Связьинвестом». Слава Богу, живы еще люди, которые помнят всю эту историю... Так что, я считаю, причина, почему Ельцин сделал ошибочный выбор, – его болезненное состояние, давление олигархов, давление семьи. Если называть пофамильно, кто в этом участвовал, – это, на мой взгляд, Волошин, Юмашев, Дьяченко (позднее – Юмашева. – **О.М.**), Абрамович, Березовский. Вот, собственно, тот круг людей, каждый из которых, – по-видимому, на своем уровне, в соответствии со своими возможностями – отстаивал кандидатуру Путина.

Таково мнение Немцова. Сам он в ту пору, когда Путин выдвигался на роль преемника, уже не был в кругу людей, приближенных к Ельцину. Что касается тех, кто в ту пору действительно был близок к президенту – Волошина, Юмашева, Юмашевой, – они категорически отрицают сколько-нибудь значительное влияние олигархов на ельцинское решение о преемнике.

Какие мотивы ими двигали

Спрашиваю Немцова, какие мотивы двигали людьми, которых он, Немцов, считает путинскими лоббистами.

– Я сейчас поясню их логику, – говорит Немцов, – хотя это только моя гипотеза – я же не был в числе тех, кто добивался путинского преемничества. Вот согласно моей гипотезе, мотивы были такие: первое – им нужна была гарантия личной безопасности; второе – они, конечно, хотели, чтобы курс на построение демократии в той или иной форме все-таки был продолжен (они считали, что такой курс позволит им сохранить личное благоденствие) и третье – им требовалось, чтобы на посту президента был проверенный человек. Почему именно Путина они посчитали достаточно проверенным и надежным? Во-первых, он был сотрудником Собчака, человека авторитетного среди демократов (кстати, и сам Собчак всегда очень хорошо отзывался о Путине). Во-вторых, они проверили Путина на деле Скуратова: им требовалось сместить этого деятеля с поста генпрокурора. Так вот, Путин показал себя человеком этой команды: ему дали задание, – он хоть и не выполнил его сразу (Совет Федерации взял Скуратова под защиту), но ретиво принялся за дело. Третье, – работая на должностях в Кремле, а также директором ФСБ, Путин вел себя очень корпоративно. Очень корпоративно. Всегда поддерживал «генеральную линию» – линию Ельцина и его окружения. Не был замечен в конфликте ни с какими олигархами, – как я уже говорил, дружил с ними. Вообще был очень комфортным, удобным, абсолютно лояльным человеком. Да, скорее всего их смущало гэбэшное прошлое Путина, но смущало не очень сильно, поскольку считалось, что он принадлежит к новой генерации чекистов; к

тому же он все-таки с Собчаком работал, был за реформы и т.д. Вот у меня такая версия. Не знаю, насколько она верна, но, по-моему, выглядит она достаточно правдоподобной.

Итак, Борис Немцов разделяет довольно распространенную точку зрения, что одной из главных причин, если не главной, почему на роль преемника был выбран именно Путин, была гарантия безопасности, которую он будто бы дал Ельцину и его ближайшему окружению.

– Да, я считаю, что это важнейшая версия из тех, что имеют право на существование, и, скорее всего, она исторически подтвердится, – еще более уверенно говорит Немцов. – Потому что, если мы посмотрим, как вел себя Путин по отношению к Ельцину, а также к Дьяченко и к Юмашеву, то нетрудно заметить, что вел он себя по отношению к ним очень лояльно. Он их не тронул. Никого.

– А что, он их должен был разорвать, что ли?

– Ну, не разорвать, но что-то там с ними сделать...

– Так и Ельцин с горбачевским окружением поступил точно так же, – никого не тронул. При этом заранее никому никаких гарантий-обещаний не давал.

– Я согласен. Но я просто констатирую то, что произошло. Это сейчас, после кончины Бориса Николаевича, Путин стал позволять себе, на мой взгляд, непристойности, – например, когда он выступал в Лужниках. Там он, можно сказать, просто сплясал на крышке ельцинского гроба...

Что тогда было в Лужниках

Напомню, как все происходило в Лужниках

21 ноября 2007 года. В тот день в преддверии выборов в Госдуму (Путин тогда возглавил избирательный список «Единой России») российский президент выступил в Лужниках на «форуме» своих сторонников.

Выступление было обставлено в таком американском стиле – как предвыборное шоу, как теплая, без церемоний, встреча «простого парня из Техаса» с такими же простыми парнями и девицами – его горячими поклонниками. И одет был Путин по-простецки – без галстука, в черной «водолазке» под серым пиджаком. В гуще поклонников мелькали плакаты типа «Чукотка – за Путина!», «Золотая Колыма – за Путина!»... Все за Путина. Ясное дело, раз сторонники.

Имея в виду предстоящие думские и президентские выборы, Путин сообщил собравшимся, что в следующие несколько месяцев в России «произойдет полное обновление высшей государственной власти». Полное обновление – дело серьезное. (Если бы только оно действительно произошло!) Но при грядущем «обновлении» необходимо, по словам Путина, решить главную задачу: «сохранить преемственность курса – курса на стабильное, устойчивое развитие страны» и «гарантировать от политических рисков рост благосостояния и безопасность Отечества».

Пожалуй, впервые за свое президентство Путин четко обозначил, кого он считает своими врагами. А враги его – как раз те, кто в своей явно разрушительной деятельности и тайных помыслах посягают на этот самый его курс, создают эти самые «риски» для роста народного благосостояния и безопасности страны. Это те люди, кто хочет видеть Россию «слабым, больным государством», кому хочется, чтобы в России было «дезорганизованное и дезориентированное..., разделенное общество», за спиной которого можно было бы – тут следовал переход к традиционному путинскому фольклору – «обделывать свои делишки, чтобы получать коврижки». Естественно, – «за наш с вами счет».

Врагов этих Путин, понятное дело, видит не только за рубежом...

– К сожалению, находятся еще внутри страны те, кто «шакалит» (опять фольклор! – **О.М.**) у иностранных посольств, иностранных дипломатических представительств, рассчитывает на поддержку иностранных фондов и правительств, а не на поддержку своего собственного народа.

Тут вспоминается знаменитая басня Михалкова, классика бескомпромиссной борьбы с космополитизмом сталинских времен: «Я знаю: ЕСТЬ ЕЩЕ (совсем, как у Путина. – **О.М.**) семейки, / Где наше хаят и бранят, / Где с умилением глядят/ На заграничные наклейки, / А сало русское едят».

– Конечно, всем нам хорошо известны наши проблемы, – сказал Путин. – Но есть те, кто спекулирует на них...

Здесь-то и следовал перечень тех, со стороны кого приходится слышать эти спекуляции.

– Со стороны тех, кто в течение десятилетий руководил Россией, а в конце 80-х годов оставил людей без самых элементарных услуг и товаров: без сахара, без мяса, без соли, без спичек. И своей политикой, безусловно, подготовил распад Советского Союза. Или спекуляции со стороны тех (внимание! – **О.М.**), кто еще каких-то десять лет назад контролировал ключевые позиции и в Федеральном Собрании, и в Правительстве. Это те, кто в 90-е годы, занимая высокие должности, действовал в ущерб обществу и государству, обслуживая интересы олигархических структур и разбазаривал национальное достояние. Это они нас учат жить сегодня, это они сделали, между прочим, коррупцию главным средством политической и экономической конкуренции. Это те, кто из года в год принимал несбалансированные, безответственные абсолютно бюджеты, обернувшиеся в конце концов дефолтом, обвалом, многократным падением жизненного уровня граждан нашей страны.

Как видим, через запятую с коммунистами, правившими страной в течение десятилетий, Путин, не моргнув глазом, поставил и политиков, находившихся у власти «в лихие девяностые».

Одним словом, главные враги Путина, как выяснилось, – «это все те, кто в конце прошлого века привел Россию к массовой бедности, к повальному взяточничеству – к тому, с чем мы боремся до сих пор».

И вот эти-то изверги и супостаты опять рвутся к власти.

– Они хотят взять реванш, вернуться во власть, в сферы влияния. И постепенно реставрировать олигархический режим, основанный на коррупции и лжи. Они врут и сегодня. Ничего они никому не сделают. В том числе и пенсионерам, которых они многократно обворовали в прежние годы. Вот сейчас еще на улицы выйдут. Подучились немного у западных специалистов, потренировались на соседних республиках, теперь здесь провокации будут устраивать. В общем, я думаю, что ни у кого нет сомнений: эти господа могут только одно, если вернуться к власти, – обворуют опять миллионы людей, набьют себе карманы, но сделают это с присущим им обычно блеском и цинизмом. В этом никто не сомневается.

К позорному столбу хозяин Кремля пригвоздил также тех деятелей, «кто в самый трудный период террористической интервенции против России предательски призывал к переговорам, а по сути, к сговору с террористами, с теми, кто убивал наших детей и женщин».

В сущности, в этой своей лужниковской речи Путин впервые ясно и откровенно (правда, не называя по имени) отрекся от своего предшественника и Учителя, от человека, который привел его за руку во власть и без которого он близко к ней, к этой власти, не подступился бы, – от Бориса Ельцина, навешал на него «всех собак», обвинил во всех бедах, постигших Россию на крутом изломе ее судьбы – в девяностые годы.

Лично я не вижу никакой логической связи между версией о том, что в момент передачи власти Путин будто бы дал Ельцину какие-то гарантии безопасности, и развернувшейся, явно по инициативе Кремля, кампанией оголтелой критики девяностых годов и, прямо или косвенно, центральной фигуры того времени – президента Ельцина. А то, что после кончины Бориса Николаевича эта кампания стала сверхоголтелой, тоже нетрудно понять, не бином Ньютона: все-таки при живом-то человеке как-то неудобно было раскручивать эту кампанию вранья на полную катушку. Неловко как-то. В конце

концов, Ельцин мог позвонить Путину и сказать что-то, что-то спросить... Наверное, преемнику не хотелось краснеть, даже при телефонном разговоре.

«Скукота, делать нечего. Путина избрали...»

Беспокоиться о своем будущем и думать о каких-то гарантиях стоило разве что Березовскому и Абрамовичу: не все нажитое ими было нажито, мягко говоря, трудами праведными. Однако Борис Абрамович немало сделал для избрания ельцинского преемника, – на ОРТ через посредство «телекиллера» Доренко «мочил в сортире» путинских соперников Лужкова и Примакова, – так что у него не было каких-то оснований для беспокойства. У него не было никаких сомнений, что Путин о нем не забудет и что ему, Березовскому, не нужны какие-то особые заверения в дальнейшем безбедном существовании (вообще-то, на многочисленных примерах видно, что Путин действительно «своих» не сдает). Когда же он убедился, что Путин как президент совсем не тот, за кого он, Березовский, его принимал, Борис Абрамович, как говорится, сам полез на рожон, – пошел войной на нового главу государства. Хотя мог бы, наверное, заботясь о своих личных интересах, о том, чтобы сохранить, те самые полученные будто бы от Путина гарантии, действовать более осторожно.

Борис Немцов так об этом вспоминает:

– Вскоре после инаугурации Путина Березовский ко мне пришел и сказал: «Скукота, делать нечего. Путина избрали, теперь можно балдеть». Я его заверил: «Не бойся, не соскучишься. Скоро тебе мало не покажется». Он тогда дико смеялся. А потом, через некоторое время, смеяться перестал...

Из книги Бориса Немцова «Исповедь бунтаря»:

«Очень быстро могущественный олигарх потерял в России и власть, и деньги. В первую очередь отобрали телеканал, потом – все остальное. Теперь сидит в Лондоне и кличет беду на голову Путина. После чудовищного убийства в Лондоне офицера ФСБ

Литвиненко Березовский ждет убийц с Лубянки и боится собственной тени. Думаю, он сотни раз проклял тот день, когда решил поддержать человека из ФСБ».

Что касается Абрамовича, тот при Путине действительно не только сохранил, но и умножил те жизненные блага, которыми располагал. Но, разумеется, вовсе не благодаря каким-то гарантиям, которые Путин будто бы дал ельцинскому окружению. Совершенно ясно, что Роман Аркадьевич абсолютно самостоятельно нашел путь к сердцу Владимира Владимировича, стал (или остался) одним из его ближайших друзей и доверенных лиц, пользующихся неограниченным благорасположением своего высоко вознесенного друга. Достаточно вспомнить, как государство – разумеется, не без разрешительной отмашки Путина, – заплатило Абрамовичу тринадцать миллиардов долларов за пакет акций «Сибнефти».

Немцов:

– Да, пожалуй, единственный человек в этой команде, который умудрился процветать и при Ельцине, и при Путине, – это Абрамович. Об уровне его близости с Путиным и его влияния на президента можно судить хотя бы по такому факту. В декабре 2007-го, когда преемником назначали Медведева, буквально накануне, Абрамович побывал у Путина в Ново-Огареве. Официальная сводка об их встрече была абсолютно сухой и невыразительной, что-то в таком роде: «Обсуждали социально-экономическое положение Чукотки». Вы можете в это поверить – что в тот важнейший для России момент этих двух джентльменов действительно обеспокоила ситуация на Чукотке?

Не знаю, тогда, может быть, это было случайное совпадение. В конце концов, почему бы чукотскому губернатору, каким Абрамович был в ту пору, и не поговорить с президентом о подведомственном ему регионе? Но доказательств сердечной дружбы Путина и Абрамовича и без того достаточно.

Окончательный вердикт Немцова, касающийся Путина («Исповедь бунтаря»):

«Сейчас стало очевидно, что Путин талантливый политик. Безусловно, его недооценивали. Он развернул вспять развитие России, уничтожив свободу слова, институт выборов, расправившись с политическими оппонентами. Построил государственно-монополистический капитализм. Он упростил жизнь лично для себя и усложнил ее для России. Несмотря на то, что Путин – единственный в мире политик, который начал свою политическую карьеру с должности президента, он блестяще овладел политическими технологиями и великолепно вжился в роль президента».

Почему сам Немцов не стал преемником

Признание Бориса Ефимовича (в «Исповеди бунтаря»):

«Мог ли я стать преемником без переезда в Москву, минуя московские палаты и борьбу с олигархами? Наверное, да. Может, и не надо было уезжать из Нижнего Новгорода, не стоило идти в правительство первым вице-премьером. Красивая должность оказалась тупиковой веткой. У нас только Дмитрий Медведев и Сергей Иванов являются потенциальными преемниками на этом посту (являлись в 2008 году. – **О.М.**) И то только потому, что в стране нет свободы и не осталось конкуренции. Россия превратилась в политическую пустыню, в которой есть только два заявленных претендента на роль Путина: Медведев и Иванов. Возможно, появится в последний момент кто-то третий, но из той же обоймы (никто не появился. – **О.М.**)

А в середине и в конце 1990-х годов политическая конкуренция в стране была. Борьба часто шла не по правилам, но боролись различные политические группы и общественные силы. Исходя из этого, мне надо было максимально долго работать губернатором и соглашаться на переезд в Москву исключительно на должность премьер-министра. Тогда бы эти умники, и Березовский в первую очередь, опасаясь реального влияния премьера на силовой блок, вели бы себя по-другому. Не всегда вертикальный взлет означает самый короткий путь к вершине.

Сожалею ли я о том, что не вел себя иначе? Жизнь невозможно повернуть назад (Алла Пугачева права), так что сожалеть бессмысленно. Я прошел через безжалостную молотилку и не сломался, приобрел огромный опыт. Вот и спасибо судьбе – такой опыт в любом случае еще пригодится.

Я не хочу и не стремлюсь попасть во власть любой ценой, для меня власть не является пределом мечтаний. И в 1998-м я самостоятельно ушел в отставку, меня от дел никто не отстранял. Правительство Кириенко отправили в отставку, а мне Ельцин позвонил и сказал: “А вы работайте”.

Но что бы я делал в правительстве с Черномырдиным или с Примаковым? И я ушел».

Анатолий ЧУБАЙС:

«Я БЫЛ ЗА СТЕПАШИНА, НО Я БЫЛ НЕПРАВ»

Они там были «на параллельных курсах»...

Анатолий Чубайс познакомился с Путиным еще в Ленинграде, однако не сказать, чтобы между ними были какие-то тесные отношения. Поначалу они вообще работали в «параллельных» организациях: Путин в мае 1990 года пришел к Собчаку, тогда председателю Ленсовета, стал его советником по внешнеэкономическим вопросам, Чубайс в октябре того же года поступил на службу в Ленгорисполком на должность сначала зампреда, а потом первого зампреда его председателя

Александра Щелканова. В июне 1991 года, когда Собчак стал мэром, он назначил Путина своим замом по внешнеэкономическим связям, а Чубайса, в сентябре, – главным экономическим советником. Как говорит Чубайс, должность это была символическая,

«отступная». Пробыл он на ней недолго – в ноябре переехал в Москву на работу в правительство. По словам Чубайса, отношения с Собчаком у него были «сложные»...

Вопреки мнению, что Чубайс сыграл значительную роль в карьерном продвижении Путина, сам он говорит, что роль эта была «близка к нулю», хотя относились они друг к другу, по словам Анатолия Борисовича, «вполне позитивно, по-доброму». Впрочем, из его же рассказа можно заключить, что упомянутая роль была и не такой уж «нулевой» – все-таки оба они, и Чубайс, и Путин, ощущали себя членами одной, питерской команды.

Мы беседуем с Анатолием Борисовичем в апреле 2008 года, в конце второго срока путинского президентства.

– В июне 1996 года, – рассказывает Чубайс, – Собчак, как известно, с треском проиграл выборы губернатора. Соответственно, вылетели все. Тогда ведь Путин заявил, что ставший губернатором Яковлев – Иуда. Несмотря на это Яковлев вроде бы предлагал ему вернуться в мэрию, но Путин отказался. Держался стойко... Надо было искать какие-то варианты. Для Лешки Кудрина я придумал вариант – возглавить Главное контрольное управление президента. А с Путиным мы что-то долго мучились... Потом появился вариант начальника Управления по связям с общественностью в Администрации президента, на которую и должен был идти Путин Владимир Владимирович. Но как-то это все затянулось... А в это время, как я понимаю, Путину предложил должность начальник Управделами президента Бородин, – возможно, при участии Алексея Алексеевича Большакова, первого вице-преьера в правительстве Черномырдина. А потом уже, когда я забрал Алексея Леонидовича Кудрина в Минфин, – это было уже весной 1997 года, – Леша предложил назначить Путина на оставляемое им место в ГКУ. Я был – за. Но это уже был не мой вопрос...

– Юмашев говорит, что назначить Путина на должность руководителя ГКУ ему предложили именно вы...

– Ну, может быть, и я предложил. Леша мне предложил, я Вале позвонил... Но это все было неформально... Формально я уже не мог никого назначать в Администрации. Я уже работал в правительстве. Так что это было решение Юмашева.

В дальнейшем, после ГКУ, продвижении Путина по карьерной лестнице, Чубайс, по его словам, тоже не участвовал.

Все же, думаю, Анатолий Борисович недооценивает свою роль в восхождении будущего президента на вершину власти. Не исключено, что, не будь его рекомендации, Путин и не занял бы место начальника ГКУ и одновременно заместителя руководителя Администрации президента, должность уже не хозяйственную, которую он занимал у Бородина, а по-настоящему весомую, политическую.

«Степашин сильнее как кандидат»

О том, что Ельцин остановил свой выбор на Путине, Чубайс узнал где-то в конце июля 1999-го.

– А до этого момента, – спрашиваю я Чубайса, – вы никогда не думали, что Путин может стать президентом?

– Скорее, нет, не думал, – не очень уверенно отвечает Анатолий Борисович.

– Насколько я знаю, вы считали, что в президенты следует двигать Степашина?

– Да, это правда. Я отстаивал «вариант Степашина», возражая против «варианта Путина».

– Ваши возражения принимались во внимание?

– Как мы знаем, в результате они не были приняты во внимание.

– Я имею в виду, – принимались ли они во внимание до какого-то момента, до момента принятия окончательного решения?

– Ну, их слышали, они были известны... Но – было принято другое решение.

На самом деле «другое решение» было принято уже давно. Тут, как утверждают коллеги Чубайса, участники этих событий, из памяти Анатолия Борисовича каким-то образом выпало, что Степашин, в общем-то, с вероятностью близкой к ста процентам, с самого начала рассматривался как фигура промежуточная между Примаковым и Путиным; то, что он может стать президентом, считалось маловероятным.

Впрочем, может быть, дело не в изъянах памяти Анатолия Борисовича, а в чем-то другом...

– Я не знал, что Степашин рассматривается как временная фигура, тем более с самого начала – со времени назначения его на пост премьера, – говорит Чубайс. – Мне казалось, что на него смотрят не как на временную фигуру, а как на фигуру будущего президента, что именно с такой перспективой он был назначен на пост председателя правительства.

Узнав о решении заменить Степашина Путиным, Чубайс со всей страстью и свойственной ему энергией выступил против этого решения. До сих пор многие считают, что Чубайс возражал против Путина «как Путина». Вот, мол, заранее распознал, что будущее путинское президентство принесет России немало бед. В действительности все было совсем не так.

– Моя позиция была продиктована очень простой логикой: я считал, что мы находимся в настолько драматической политической ситуации, на таком драматическом этапе нашего развития, что задача избрания – самоценна. А это означало, что при оценке фигуры кандидата требования к нему как к кандидату были более важны, чем требования к нему как к будущему президенту: уж совсем раскаленная была обстановка, только что – в мае – чуть-чуть не получили импичмент. За год с небольшим смещался четвертый премьер, назначался пятый. Делегитимизация власти достигла наивысшей точки. Отношение людей к ней было примерно такое: «У вас там во власти какая-то полная каша! Что у вас там происходит? Что творится? Премьеров меняют одного за другим. Только что

состоялся дефолт...» Ужасная обстановка. Так что было не до жиру. Не до замечательного, великолепного, идеального президента. Тут главное – избрать бы не Примакова, не Зюганова! Именно в силу этого я считал, что избираемость кандидата – гораздо более важный критерий, чем качества будущего президента. И с точки зрения избираемости, как мне представлялось, Степашин был выше, чем Путин. В то же время я совсем не считал тогда, что Путин хуже как президент.

В общем, Чубайс активно боролся за Степашина.

– Во что конкретно вылилась эта ваша борьба, ваша бурная деятельность, имевшая целью воспрепятствовать выдвижению Путина?

– Ну, я переговорил со всеми ключевыми лицами, начиная с самого Путина и кончая Юмашевым...

– Любопытно, что же вы сказали Путину? «Владимир Владимирович, вам не стоит идти в президенты»?

– Я высказал ему свою точку зрения, – сказал, что считаю неправильным, что его выдвигают кандидатом на пост президента, что это рискованно, что мы можем вообще все проиграть.

– И какова была его реакция?

– Он высказался не очень определенно. Смысл его позиции сводился к тому, что он не рвется в президенты, но решение принимает не он. Если оно не будет принято, – значит, не будет, если будет принято, – значит, будет. Примерно такая была реакция.

Попытался Чубайс поговорить и с самим Ельциным, убедил Бориса Николаевича принять его для соответствующего разговора. Однако Ельцин к тому моменту, по-видимому, уже все для себя решил.

– Ельцин назначил мне встречу на восемь или на девять утра, а на семь вызвал к себе Степашина и сообщил ему, что отправляет его в отставку. Пока я ехал к Ельцину

убеждать его, что Степашина не нужно увольнять, Степашин позвонил мне в машину и сообщил, что он уже уволен – «все в порядке»!

Кто и что советовал Ельцину

Существует чуть ли не всеобщая убежденность: к тому моменту Ельцин был уже в таком состоянии, что не способен был сделать осмысленный выбор преемника, Путина подсунуло ему его окружение по каким-то там хитроумным своекорыстным мотивам.

Спрашиваю Чубайса:

– Кто из близких Ельцину людей своими советами более всего повлиял на него, когда он принял решение остановить свой выбор на Путине? Юмашев? Татьяна Борисовна? Волошин?

– Мне сама постановка вопроса кажется неправильной. Я не согласен с очень распространенной версией о том, что Ельцин находился под безраздельным влиянием некоего круга близких ему людей – так называемой «семьи». Эта версия, как я знаю, была придумана Игорем Малашенко (напомню: Малашенко был генеральным директором НТВ при Гусинском. – **О.М.**) Надо признать, она оказалась очень эффективной как пиар-оружие, но совершенно не соответствующей действительности. Уж я-то очень хорошо знаю, что такое в чем-то убедить Бориса Николаевича. Это задача такой категории сложности, что лично мне удалось ее решить разве что пару раз за все годы работы...

Да, в последние годы политологи широко используют выдумку Малашенко, касающуюся ельцинской «семьи», используют как твердо установленный факт, так и сяк жонглируют этим термином – «семья» – в своих аналитических выкладках.

Вытащи этот термин из фундамента такого анализа, – и весь он рухнет...

В то же время разговор о помощниках и советниках президента – не такой уж бессмысленный. Ведь Ельцин несколько лет, начиная с 1996 года или даже с более раннего

срока, обдумывал вопрос о преемнике. В одиночку он вряд ли мог его решить сколько-нибудь приемлемым образом...

– ...Да, – продолжает Чубайс, – Ельцин был способен выслушивать аргументы... Правда, при этом не очень любил выслушивать аргументы в защиту какой-то позиции, противоположной той, какую занимал он сам, но тем не менее выслушивал их... Другое дело, что их не любили высказывать те люди, которые имели возможность с ним говорить. Но, тем не менее, кто хотел, мог это сделать. Ничего, все остались живы. Так что на вопрос, кто больше всего повлиял на него при выборе Путина, могу совершенно определенно ответить: да никто! Вопрос надо ставить по-другому: какие аргументы повлияли в наибольшей степени на этот выбор? В данном конкретном случае должен признать: что касается моих аргументов, – они были неверны. Я-то выступал с той позиции, что Путин неизбираем, что мы его не изберем, а Ельцин прислушался к тем, кто говорил, что он избираем. Кто оказался прав? Я? Нет. Он!

– А кто ему говорил, что Путин избираем?

– Ну, Юмашев, наверное...

– Волошин?

– Волошин, конечно.

– В народных массах широко распространена версия, что президентом Путина сделал Березовский. Играл ли в действительности Борис Абрамович какую-то существенную роль в этой «операции» или его участие ограничилось «раскруткой» Путина в СМИ и, соответственно, в уничтожении его соперников, прежде всего – Лужкова и Примакова, – в частности, при помощи «телекиллера» Доренко?

– Честно говоря, я не помню, какую роль играл Березовский в выборе Путина. В самом деле, не помню. Говорю, как на духу. Но то, что он принял важное участие в «раскрутке» Путина и в его избирательной кампании, – это стопроцентная правда.

Почему все-таки Путин?

Задаю Чубайсу все тот же вопрос, который задаю всем, кто так или иначе был причастен к событиям конца лета 1999 года: почему все-таки Ельцин выбрал именно Путина, ведь Путин к тому времени не проявил себя ни как убежденный демократ, ни вообще как зрелый политик?

– Лично вам, – говорю, – Борис Николаевич не объяснял этого, вы ведь были близки с ним?

– Нет, он мне этого не объяснял. Он же меня не принял. И он знал, что я против. Чего он мне будет объяснять? В это время я вообще в правительстве не работал. Нет, никаких объяснений я на этот счет не получал. Да и было бы странно, если бы он мне что-то объяснял. Но я знал аргументы моих коллег – советников Бориса Николаевича, выступавших за кандидатуру Путина. Аргументы были примерно такие. Путин не состоит ни в одной из группировок. Это очень важно: он ни со мной, он ни с Березовским, он ни с Юмашевым... Он самостоятельный. Сказать, что независимый, было бы слишком сильно, но, по крайней мере, – не включенный. Я им говорил: «У него нет публичности». – Они мне отвечали: «Так это ж прекрасно!» То есть лично он не был связан с действующей системой власти. Это было новое лицо. Новое! Этого лица не было в системе власти. То, что он связан с КГБ – ФСБ, – это скорее позитив. Потому что есть какая-то силовая компонента: держава, родина и т.д. Работа у Собчака – тоже позитив: демократ, пришел к Собчаку добровольно...

Насчет «добровольно» – не знаю. Может, и не добровольно. Может, было приказано внедриться. Что касается «позитивности» «силовой компоненты», КГБ – ФСБ... Вот ведь какое еще рассуждение было. В реальности эта компонента стала потом гипертрофированной, всеобъемлющей и всеподавляющей.

– Вы сказали, что главным критерием для выбора Путина стала его избираемость. Причем вы считали, что Путин ею не обладает, а Ельцин – что обладает...

– Да, и он, повторяю, оказался прав, а я не прав.

Чубайсу словно бы доставляет удовольствие вновь и вновь признаваться в своей неправоте.

– Но ведь этому критерию – избираемости – могли соответствовать и другие люди...

– Нет. В том-то и дело, что нет. В том-то и дело, что нет. У нас были единицы, о ком можно было бы вести речь при таком подходе.

Я напоминаю:

– У Путина первый измеренный социологами «президентский» рейтинг – его измерили 14 августа 1999 года, через пять дней после назначения Путина и.о. премьера – составлял... всего лишь один процент. 74 процента ответивших сказали, что прежде вообще ничего о нем не слышали... О каких предпосылках избираемости тут можно было говорить?

– Да дело же не в этом! Все начинают с нуля. Только не у всех этот нуль потом превращается в десятки процентов.

Многие полагают, что весьма важную роль в продвижении Путина по карьерной лестнице в условиях молодой демократической России сыграло то самое не раз уже упоминавшееся обстоятельство, что переломные российские годы, с 1990-го по 1996-й, он провел рядом, плечом к плечу, с пламенным демократом первой волны, выдающимся народным трибуном Анатолием Собчаком: можно ли, дескать, найти другое, более убедительное свидетельство демократических взглядов Путина? Лично я думаю, что такое соображение слишком наивно. К тому же, повторяю, не до конца ясно, действительно ли Путин пришел к Собчаку по собственной воле. Наконец, у Собчака будущий российский

президент в основном занимался хозяйственной деятельностью и в качестве демократа опять-таки никак себя не проявил... А вообще, если не считать «собчаковского» мотива, все, кого бы я ни спрашивал, какие качества Путина побудили остановиться на нем как на преемнике, говорили мне примерно одно и то же: он показал себя, как деловой, исполнительный, четкий, умеющий точно формулировать свою позицию, до конца отстаивать ее в дискуссиях с оппонентами... Но ведь это все качества достаточно квалифицированного чиновника, пусть даже и высокого ранга. Но это не качества ПРЕЗИДЕНТА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ СТРАНЫ. И то, что он не продемонстрировал вот этих демократических качеств до момента своего избрания, на мой взгляд, решающим образом, сказалось после его избрания. Никто не сумел заранее рассмотреть в нем этих качеств просто потому, что У НЕГО ИХ ПРОСТО НЕ БЫЛО.

– Вы все про демократию, – с некоторым раздражением говорит мне Чубайс, выслушав эти мои соображения. – У вас весь строй анализа такой: если демократ, то хорошо, а если не демократ, то плохо. Но жизнь чуть-чуть сложнее...

Упрек довольно неожиданный в устах «отца российской демократии», коим, без сомнения, наряду с Ельциным и Гайдаром, в девяностые годы был Анатолий Чубайс.

– ...Я вот знаю, например, такой эпизод, характеризующий Путина, – продолжает Анатолий Борисович. – Могу вам его рассказать. В качестве директора ФСБ Путин участвовал в расследовании уголовного дела одного высокопоставленного чиновника, на уровне замминистра. И не просто участвовал, а дело было доведено до суда. В какой-то момент при мне, – я случайно там оказался, – состоялся разговор Путина и, по моему, кого-то из руководителей президентской Администрации. Это было время, когда Путин уже был главным «кандидатом в кандидаты», уже было принято соответствующее решение. Собеседник Путина сказал ему: слушай, надо бы с этим человеком – с замминистра – обойтись как-нибудь помягче, не будем тут устраивать драку, сейчас не до того, сейчас время не то. На что Путин, слегка «потемнев с лица», ответил, что если дело будет остановлено, он уходит в отставку и работать не будет, что он считает этого человека вором и не остановится ни в каком случае. Такая позиция – уж точно не позиция

политикана, который хочет к власти прорваться. Зачем ему нужны были эти лишние проблемы? Но вот он так считал...

Президентом демократической страны должен быть демократ

– Сегодня, после восьми лет путинского президентства, – возражаю я Чубайсу, – можно привести кучу примеров противоположного свойства. Почему Путин не снял Илюмжинова, который превратил Калмыкию в собственную феодальную вотчину? Почему он не снял Зязикова, когда этого уже почти стопроцентно требовал весь народ Ингушетии – так он всех «достал»? Почему он никак не мог снять проворовавшегося

приморского губернатора Наздратенко – пересаживал его из одного высокого кресла в другое?.. Где его «большевистская принципиальность»?

– Я с вами категорически не согласен. Мы с вами говорим о совершенно разных ситуациях. Одно дело – требования к президенту: вы требуете, чтобы он развернул кампанию по устранению коррумпированных руководителей, и совсем другое – позиция кандидата в президенты, да еще зависящего от людей, с которыми этот кандидат говорит и которые требуют изменить его позицию. Это совсем разные вещи. Я говорю о человеческих свойствах, а вы говорите о политических приоритетах. Вы их считаете коррупционерами – ну, и замечательно, а кто-то не считает их коррупционерами. Это не имеет никакого отношения к тому, о чем я говорю. Я ведь не говорю, что тот замминистра на самом деле был коррупционером или – не коррупционером. Я вообще не оцениваю человека, о котором идет речь. Я говорю, что перед Путиным старшие товарищи поставили вопрос: слушай, вот этого надо освободить, потому что он хороший! Путин сказал: а я не согласен. При этом в дальнейшем Путин может бороться с коррупционерами или не бороться с коррупционерами, – я вообще не об этом говорю. Я говорю о свойствах личности, которая в такой момент точно проявляется. Если бы для него избрание президентом было абсолютным приоритетом, – да Господи Боже мой, да выпустите этого

замминистра хоть завтра! Какой вопрос! Нет, оно не было приоритетом. Вы можете смотреть на это как угодно, а в моем понимании это свидетельство порядочности.

– Я нигде не утверждал, – говорю я, – что Путин стремился в президенты, что это было для него приоритетом. Я этого просто не знаю. Я спросил вас, какие качества Путина, на ваш взгляд, побудили Ельцина остановиться на нем как на преемнике. Вы рассказали об одном эпизоде из деятельности Путина на посту директора ФСБ, – эпизоде, который вроде бы говорит о его порядочности. Ну и что? Во-первых, одного эпизода мало, чтобы прийти к заключению о порядочности человека, а во-вторых, порядочных людей в России достаточно много (хотя и непорядочных – «выше крыши») – что ж, рассматривать каждого в качестве кандидата в президенты? Наконец, в-третьих, – да, я действительно считаю: президентом демократической страны должен быть человек демократических взглядов (это, по-моему, достаточно тривиальная истина). К моменту появления Путина в большой политике никто не заметил особенной его приверженности демократическим ценностям.

Чубайс:

– Я уже сказал, что это вы оцениваете все по критерию демократичности. А я не считаю, что этот критерий единственный.

– Не единственный, но, по-моему, один из главных... Сейчас уже для всех очевидно: Путин-президент отступил от ряда фундаментальных демократических принципов. Эти отступления достаточно многочисленны, – их можно долго перечислять, – начиная от принятия гимна Советского Союза (кстати, вы ведь тоже были против этого), и кончая искажением избирательных процедур, отменой губернаторских выборов и т.д. Короче говоря, преемник весьма сильно отступил от политики предшественника. От такого вывода никуда не денешься... Разве нельзя было всего этого избежать?

Чубайс:

– Я отвечу так: нет, нельзя. Путину нельзя было без этого обойтись. Потому что эти элементы политики, которые отвергаются демократами, и мной в том числе, были абсолютно приняты народом, дали Путину фантастический рейтинг, позволили ему обеспечить твердое большинство в парламенте и реализацию всех его решений, всех предложенных им законов, через восемь лет передать власть тому, кому он счел нужным, и создать себе задел для будущей работы в качестве премьера...

– Мне кажется, – возражаю, – рейтинг ему обеспечили на первом этапе взрывы домов (независимо от того, кто их взорвал) – население обратило к нему взоры как к потенциальному защитнику – и, как реакция на них, чеченская война, а дальше – высокие цены на нефть.

– Как минимум – и эти цены, и его собственная политика, в частности, те ее элементы, о которых вы упомянули. Причем неизвестно еще, что в большей степени.

– Ясно же, что на народные массы прежде всего действует контраст: девяностые годы, когда плохо платили и зарплату, и пенсию, они связывают с демократами и демократией, а нынешнее время, когда ситуация несколько улучшилась, – не с ценами на нефть, а с Путиным...

– Да народ вообще демократия мало волнует!

– Вы так считаете?

– Конечно. А за Чечню он Путина полюбил по-настоящему.

– Что ж, печально, что у нас такой народ.

– Может, поменяем? – усмехается Чубайс.

– Да, как сказал товарищ Сталин парторгу ЦК в Союзе писателей Поликарпову, когда тот стал жаловаться на беспробудное пьянство и разврат среди своих подопечных: «У меня для тебя других писателей нет». Другого народа у нас нет...

– Вот именно.

– Ну и что Борис Николаевич думал обо всех этих отклонениях его преемника от его же, Ельцина, курса? Встречаясь с ним, вы ведь говорили на эту тему?

Чубайс отвечает примерно так же, как и Гайдар:

– Он мне говорил об этом один на один, и я не хотел бы предавать это огласке.

Мой комментарий к этому ответу – такой же, как к аналогичному ответу Гайдара: Если бы Ельцин отнесся к этим отклонениям хотя бы спокойно, нейтрально, а не с возмущением, – не о чем было бы сейчас умалчивать.

Коррупция, «дедовщина», «басманное правосудие»...

– Значит, вы считаете, что ошибки при назначении Путина не было?

Чубайс оживает:

– Этот вопрос вы мне еще не задавали. Это новый вопрос.

– Лично я считаю, что Ельцин сделал ошибку.

– Ну, это довольно распространенное мнение, с которым я не согласен, – твердо говорит Чубайс.

– И сам Ельцин, – спрашиваю, – не считал, что он ошибся?

– Он мог считать, что он ошибся, а я так не считаю.

Напомню, что мы с Чубайсом беседуем в апреле 2008 года. Через месяц состоится инаугурация Медведева, и в Кремле произойдет «рокировка».

Наш разговор продолжается. Напоминаю Чубайсу о некоторых – может быть, самых «ярких», – итогах путинского правления.

– Широко распространено мнение, – и среди публики, и среди специалистов (в частности, об этом говорят два фундаментальных исследования Фонда «ИНДЕМ»), – что при Путине немислимых масштабов достигла коррупция, что она буквально разъедает Россию...

– Коррупция, – возражает Чубайс, – разъедает Россию последнюю тысячу лет, примерно тысячу. Как она ее разъедала, так и разъедает, разъедает, разъедает... Усилилась ли она за последние восемь лет? Скорее, да. Вот так бы я мог ответить на этот вопрос.

– С тем, что у нас на глазах разваливается российская армия, вы тоже не согласны?

– Не согласен категорически. Да, ситуация в армии крайне тяжелая, но корни этой проблемы связаны в гораздо большей степени с кризисом девяностых, как бы обидно для меня это ни звучало, чем с действиями Путина. Другое дело, что Путин не продвинулся далеко в деле восстановления армии. Ее восстановление только начинается. Внутри армии есть огромные, острейшие проблемы, которые Путиным не решены. Да, недопустимо мало за эти годы введено в строй нового вооружения, но... Наконец-то с денежным довольствием порядок наведен, с вещевым довольствием порядок наведен, финансирование госзаказа увеличилось в несколько раз... Благодаря этому началась разработка новых образцов военной техники... Еще во время нашей работы в правительстве была начата разработка ракетного комплекса «Тополь-М». Тогда у нас не было ни копейки денег. Я ходил, повсюду бился лбом, в том числе и у себя скреб по сусекам. На этот комплекс мы все-таки выделили деньги. А теперь на нем основано все перевооружение ракетных войск... Да, многое в армии до конца не восстановлено, но обвинять в этом Путина несправедливо.

– Еще один очевидный изъян путинского правления – так называемое «басманное» правосудие...

– Да, оно существует, это чистая правда.

– Это же ключевой момент всей нашей жизни.

– Согласен.

– Но почему, почему все это видят и никто ничего не делает? Одни только пустые декларации: надо бороться, надо бороться, надо бороться... Здесь опять у Путина не хватает воли? Для начала – взял бы и снял председателя Верховного суда Лебедева...

– Да что Лебедев? Причем здесь Лебедев? Не обижайте Вячеслава Михайловича...

– Анатолий Борисович, ну вот представьте себе, что вы сидите в президентском кресле... Неужели это такой не решаемый вопрос?

– Какой? Заменить Лебедева?

– Для начала хоть бы и Лебедева. Был бы хоть какой-то сигнал: так дальше продолжаться не может! Что-то я ни разу не слышал, чтобы председатель Верховного суда хотя бы раз вслух, громко сказал: судьи – взяточники, повсюду действует телефонное право... Если не можешь справиться с этой проблемой, ударь хотя бы в колокол. Может, Путин и услышит.

– Это нерешаемая проблема. Вообще сегодня нерешаемая. Для решения этой проблемы есть один-единственный инструмент, который называется демократия.

Ага, значит, все-таки в основе всего – демократия!

– Мы уже говорили с вами о многочисленных, хотя и не слишком очевидных, достаточно тонко завуалированных, отступлениях от Конституции... Взять ту же историю с назначением губернаторов...

– С губернаторами Конституция вообще не нарушена...

– ...Формально не нарушена: кандидата на пост губернатора предлагает президент, а «выбирает» все-таки местное заксобрание, но – попробуй не «выбери»...

– ... Дело в другом – убежденно говорит Чубайс, – в том, что в стране исчезла конкурентная политическая система. Ее не существует. Выборов нет. Разделение властей отсутствует. Но это такая непростая, коварная вещь. Разделения властей нет, потому что Путин популярен. И поэтому «Единая Россия» реально получает власть – именно благодаря Путину. Если бы их «разделили», такой власти у нее близко не было бы.

– Вы уверены, что популярность Путина связана лишь с самим Путиным, а не с тем в значительной степени, что его день и ночь показывают по телевизору?

– Уверен, что он точно так же или почти так же был бы популярен и без этого.

Я в этом совсем не уверен. Мы уже не однажды были свидетелями, как при помощи «ящика» «накачивается» рейтинг того или иного деятеля.

Возвращаюсь все к тому же вопросу:

– Как я понимаю, вы все-таки не можете сказать, какие качества Путина – кроме, ну допустим, порядочности – подвигли Бориса Николаевича на то, чтобы выбрать его преемником?

– Нет, не могу, – покорно соглашается Чубайс. – Это мог бы сказать лишь Борис Николаевич, либо те, кто поддерживал этот выбор. Я – то был по другую сторону баррикады.

Думаю, у Анатолия Борисовича все же есть определенное мнение, почему Ельцин остановил свой выбор на Путине, но по какой-то причине он не хочет предавать его гласности. Что ж, это его право.

Загадочная тактика Путина

Бывший близкий сотрудник Собчака, человек вроде бы менее консервативных взглядов, чем его основные конкуренты, довольно скоро начал разворачивать корабль в обратную сторону, все дальше уклоняясь от того курса, который придал ему Ельцин. По

крайней мере, это касается демократического развития страны. Впрочем, и в сфере экономики откат произошел значительный – на первый план выдвинулись неэффективные госмонополии, все так называемое народное хозяйство насквозь пронизали метастазы коррупции...

Как сам Чубайс относится к президентству Путина?

– Я не согласен, что, став президентом, Путин стал разворачивать корабль в обратную сторону, – твердо говорит Чубайс. – У меня другая позиция. Она состоит в том, что президентство Путина правильно делить на два этапа: первые четыре года и вторые четыре года. (напомню, разговор наш происходит весной 2008 года. – **О.М.**) Я считаю, что первые четыре года были гораздо более продуктивными и в значительной степени ориентированными на продолжение курса Ельцина, курса реформ. А во вторые четыре года в значительной степени появились иные приоритеты, со многими из которых я не согласен. О чем, кстати, я не раз говорил публично.

– Например?

– Ну, не хочется повторять – гимн, Ходорковский, назначение губернаторов, оценка девяностых годов и т.д. и т.д.

– А чем вы объясняете этот перелом на рубеже первого и второго срока?

– Позицией Путина. Что тут объяснять? Все понятно.

– Что понятно? Человек двигался одним курсом и внезапно изменил его. Кстати, и возвращение советского гимна, и арест Ходорковского случились еще во время первого путинского четырехлетия...

– А кто вам сказал, что политическая линия должна быть задана и прямолинейна, как железнодорожные рельсы?

– Это что-то непонятное... Борис Николаевич Ельцин действительно задал определенное направление движения – к демократии и рыночной экономике, – он и помыслить не мог, что его преемник сойдет с этих «железнодорожных рельсов».

– А чем вы объясните, что на следующем, третьем, этапе Путин выдвинул Медведева в президенты?

– Тому существует, наверное, уже тысяча объяснений. А каково ваше?

– Я не готов объяснять логику Путина – я ее просто не знаю. Но готов напомнить очевидные факты: Медведев человек нового поколения, другой ментальности – уж точно не выросший в КГБ и имеющий совершенно иные культурные корни.

– Все-таки про Медведева – это, наверное, особый разговор...

– Нет, это все то же самое. Тактика и стратегия. Я же говорю: то изменение, которое произошло через четыре года после того, как Путин стал президентом, вы расцениваете как стратегический поворот назад, а я расцениваю как тактический маневр. И привожу аргументы в обоснование своей позиции.

– Какие же это аргументы?

– Для любого президента, а тем более российского, нет более важного решения за время его работы, чем решение о поддержке того или иного кандидата на должность следующего президента. Это решение, как правило, является необратимым. Оно говорит о реальной стратегии президента больше, чем десяток других решений. Именно поэтому решение Путина о поддержке Медведева мне и кажется важным.

– Тактика – это лишь способ достижения стратегической цели. По-моему, достаточно ясно, что стратегическая цель Путина – в той или иной форме восстановить Россию как империю. Ельцину, как ни крути, такая цель в страшном сне не могла присниться. Свергнув коммунизм, он стремился построить свободную демократическую федеративную президентскую республику, которая ни перед кем не кичится своей

военной мощью (по большей части, мнимой), своим имперским величием, не задирает постоянно своих соседей, не стремится навязать им свою волю, он стремился построить страну, в которой соблюдаются записанные в Конституции права человека... То есть, что ни говори, радикальная смена стратегической цели налицо. Вот я и спрашиваю: как так могло случиться, что Ельцин сделал своим преемником человека, который радикально изменил его стратегический курс?

– Во-первых, для меня обвинение в стремлении восстановить империю не является обвинением. У меня более сложное, совсем не черно-белое отношение к этой теме. Я как-то высказывался на этот счет, за что и получил от братьев демократов... (Имеется в виду известная идея Чубайса о необходимости построения в России «либеральной империи», которую он выдвинул 29 сентября 2003 года, выступая в Инженерно-экономическом университете Санкт-Петербурга. – **О.М.**) Во-вторых, я абсолютно не согласен, что по части «имперскости» Путин радикально пересмотрел стратегию Ельцина.

Как видит читатель, последняя часть нашего разговора с Анатолием Чубайсом довольно туманна. Видит Бог, – не по моей вине. Анатолий Борисович старательно уклоняется от разъяснений, какие же такие тактические соображения побудили Путина на втором этапе своего президентства отклониться от ельцинского курса, а на третьем, – когда он формально уже покидал президентское кресло, – продвинуть в преемники «человека нового поколения, другой ментальности – уж точно не выросшего в КГБ и имеющего совершенно иные культурные корни».

В чем же все-таки заключается тактика Путина? Может быть, Чубайс намекает на какой-то такой вариант... Сначала, стремясь построить пресловутую вертикаль власти, сделать государственный корабль максимально управляемым, Путин расставил повсюду на ключевые посты выходцев из госбезопасности, а теперь, поставив старшим помощником капитана «либерального» Медведева (капитаном, понятное дело, остался сам Путин), собирается направить корабль «настоящим», «правильным» курсом? Может быть, таков

путинский замысел, как его понимает Чубайс? Остается лишь догадываться. С рельсов сойти легко, а вот обратно на них встать...

Сейчас, по прошествии лет, мы прекрасно видим, что временное президентство Медведева ни к каким серьезным положительным изменениям в развитии России, к исправлению каких-то путинских «заскоков» не привело, хотя некоторые потуги в этом направлении у «местоблюстителя» были. Соответственно, и никакого дополнительного света на тактику и стратегию Путина это временное президентство не проливает.

Возвращаясь к разговору с Чубайсом... В целом, должен сказать, как мне показалось, отношение моего собеседника к путинскому президентству – двойственное: к чему-то в действиях Путина он относится одобрительно («Тут моя позиция не вполне совпадает с ортодоксальной демократической позицией», – говорит Чубайс), что-то не одобряет (при этом о многом, хотя, наверное, не обо всем, говорит публично). Соответственно, из одобряемого им что-то он одобряет вполне искренне, а что-то – оценивает со знаком плюс, или, по крайней мере, не критикует, как госчиновник, стопроцентно зависящий от человека, временно отошедшего от президентской должности, опустившегося на должность премьера.

Валентин ЮМАШЕВ:

«ПУТ ИН СИЛЬНО ПЕРЕМЕНИЛСЯ»

Брат с Путина словесные заверения он посчитал ненужным

Еще один человек, достаточно хорошо знавший Ельцина, тесно с ним соприкасавшийся, – Валентин Юмашев. С 11 марта 1997-го по 23 декабря 1998 года он был

главой Администрации президента, затем – его помощником, даже зятем. В разговоре с ним мои недоумения опять крутятся вокруг того, чем можно объяснить странный выбор, сделанный первым российским президентом в момент его ухода.

Собственно говоря, какие вопросы более всего волновали Ельцина, когда он выбирал себе преемника? Почему он не взял с Путина твердого мужского обещания, что тот продолжит его курс – курс на демократию и рынок?

– Да, Бориса Николаевича волновали именно эти вопросы, – говорит Юмашев, – сможет ли его преемник продолжить демократические реформы в общественной жизни и рыночные реформы в экономике, продолжит ли Россия интеграцию в сообщество цивилизованных стран, сможет ли она объединить вокруг себя страны СНГ и т.д. Он считал, что именно Путин наиболее сильная фигура, кто в состоянии обеспечить продолжение пути, который он, Ельцин, предложил России, что остальные либо слабее (как Степашин), либо у них в мозгах не то (Лужков, Примаков), либо не избираемы (Чубайс). Что касается словесных заверений, Борис Николаевич считал их совершенно излишними: он верил Путину.

У меня вновь и вновь возникает предположение, что Ельцин не шибко разбирался в людях: ведь аналогичные – как в случае с Путиным – «кадровые» ошибки Борис Николаевич совершал и прежде: вспомнить хотя бы таких его неудачных назначенцев, как Скоков, Лобов, Баранников, Хижа... Да те же Коржаков, Барсуков, Сосковец...

Точка зрения Юмашева: в принципе, конечно, перебирая фамилии, можно прийти к такому заключению, – что Борис Николаевич недостаточно разбирался в людях; но такой вывод напрашивается в большинстве случаев, когда какому-то администратору приходится делать огромное количество назначений – в одних случаях назначение оказывается удачным, в других – нет...

– Коржаков, Сосковец, Баранников, Лобов... – все правильно, выбор был неудачным, – говорит Юмашев, – и список можно продолжить. Добавить сюда Руцкого,

например... Но есть же и другой список: Чубайс, Гайдар, Бурбулис, Сатаров, Немцов, Черномырдин, Дубинин, Кудрин, Лившиц, Волошин... В последнем списке все люди разные. Кто-то был совсем близок к Борису Николаевичу, – как Чубайс или Немцов, – с кем-то у него были в большей степени деловые отношения, – как с Кудриным или Дубининым, – но профессиональные, человеческие качества всех этих людей, их демократические убеждения не вызывают сомнений. Все эти люди – рыночники, они все за открытое, демократическое общество, со свободными СМИ, с нормально действующим разделением властей, то есть со всеми элементами нормального, цивилизованного общества.

Ну да, действительно, можно согласиться: вывод о том, что тот или иной администратор недостаточно разбирается в людях, можно сделать почти всегда, – никто не застрахован от ошибок при кадровых назначениях. Вот только цена ошибки бывает разная...

Кто был Ельцину ближе

Все же такое ощущение, – оно не раз высказывалось, – что немалое значение при подборе людей для Ельцина имела, как бы это сказать, ментальная близость, что ли: он охотнее приближал к себе человека, похожего на него самого, – по жизненному опыту, по образу жизни, по психологии...

– В какой-то мере это так, – соглашается Валентин Борисович. – Ментально, по-человечески, конечно же, Коржаков, с его простотой, любовью к выпивке, или Сосковец – классический «красный директор», жесткий тип руководителя, или Лобов – бывший первый секретарь обкома, говоривший с Борисом Николаевичем на одном языке, – все они, конечно, были гораздо ближе ему, чем те, кто перечислен во втором списке. Но, обратите внимание, он, в конце концов, порвал практически со всеми из первого списка и остался в хороших отношениях с людьми из второго, более того, с кем-то из них продолжал работать до последнего дня своего пребывания в Кремле. Это при том, что говорить с Гайдаром,

Чубайсом, Лившицем, Сатаровым или со мной ему было в тысячу раз менее комфортно, чем с теми, из старой гвардии. Те всегда радостно его облизывали, мы же говорили, что думали, – прежде всего, потому, что так привыкли. К тому же, большая часть из второго списка не держалась за свое место. Более того, почти каждый, за редким исключением, с удовольствием простился бы с этой неблагодарной – политической, административной – работой.

С кем он держал совет

В общем-то, Путин, как мне представляется, особо не тяготел ни к первому, ни ко второму списку. Он, насколько я знаю, не парился и не выпивал с Ельциным в бане, но и не слыл «человеком идеи», твердым демократом-рыночником, как Гайдар или Чубайс. Было что-то третье... Спрашиваю Юмашева, что же именно это «третье», что выделило Путина среди других в глазах Ельцина. Может, все-таки все решил чей-то совет? Или чьи-то советы? Борис Немцов, например, не однажды говорил, что Путина Ельцину подсунул Березовский через Татьяну Борисовну. Юмашев категорически отвергает это утверждение:

– Это полный бред, полная чушь! Борис Николаевич никогда бы не воспринял от Татьяны ни одного кадрового совета. Кстати, как и от Наины Иосифовны. В этом смысле он был глубоко патриархален: считал, не женское это дело, – разговаривать с мужчинами о политике. Таня действительно хорошо относилась к Владимиру Владимировичу, и если бы Борис Николаевич ее спросил, правильно ли он сделал, что выбрал его в качестве преемника, думаю, сказала бы: «Папа, ты молодец! Классная идея! Правильное решение!» Но он не спросил.

– Но с кем-то Ельцин, наверное, все же держал совет?

– Конечно, в таких случаях Борис Николаевич советовался, с кем находил нужным. И не потому, что считал, будто сам плохо разбирается в людях – мол, есть у него такая слабость. Он так не считал. Просто советоваться в подобных случаях – это

естественно для любого лидера и даже любого руководителя компании. В общем-то, Борис Николаевич так поступал всегда. Когда, например, он перебирал варианты, кого назначить премьер-министром после Черномырдина, он спрашивал меня, что я думаю о каждом из кандидатов (я был главой Администрации). Это не значит, что у него в этот момент не было решения, – скорее всего, он просто сравнивал наши оценки – свою и мою.

Соответственно, и я отвечал, не зная, совпадает его позиция с моей или нет. Думаю, что такой же разговор перед назначением Кириенко на пост премьера весной 2007 года он провел с Чубайсом, с Немцовым. При этом, в отличие от меня (я в силу своих обязанностей руководителя Администрации должен был готовить все документы по снятию старого и назначению нового премьера), когда он говорил с ними, обсуждая ту или иную кандидатуру, они даже не понимали, что он обсуждает с ними будущего кандидата на пост главы правительства.

– Когда президент впервые вас спросил, что собой представляет Путин – как работник, как человек?

– Это было весной 1999 года. При этом речь не шла ни о возможном премьерстве Путина, ни о какой-то другой должности. Просто, – что я о нем думаю. Он уже слышал от меня соответствующие оценки, но, видимо, хотел услышать их еще раз. Я сказал, что могу охарактеризовать Путина только с хорошей стороны. (Кстати, в это время я уже не был главой Администрации). Ни одной претензии с точки зрения поведения, наших отношений, уровня его профессионализма у меня к Владимиру Владимировичу не было. Принял он во внимание мою позицию? Конечно, принял. Мог с ней не согласиться? Конечно, мог. Как множество раз не соглашался. Впрочем, как множество раз и соглашался. Один пример. Я считал неправильным держать на посту начальника Управления делами президента Павла Бородина. Хотя у меня с ним были хорошие личные отношения, тем не менее, я считал, что он плохой экономист, что вокруг него крутится множество проходимцев. Я настаивал, что его следует заменить – поставить на эту должность технократичного менеджера, не политика, который бы прекрасно разбирался в экономике, хозяйстве, и – человека другого поколения. Но Борис Николаевич со мной не согласился. Оставил Бородина. Однако,

повторяю, можно привести и много других примеров – когда президент соглашался со мной.

– Каков был круг людей, с которыми Ельцин говорил о Путине?

– Он разговаривал со многими. Причем не только с теми, с кем он работал (с тогдашним главой Администрации Волошиным, с руководителем своего секретариата Семенченко), но и с теми, кого он считал входящими в его команду – с тем же Чубайсом, с Сашей Ослоном (руководителем Фонда «Общественное мнение». – **О.М.**), Игорем Малашенко (он входил в эту команду до момента, когда группа Гусинского стала агрессивно конфликтовать с Кремлем, поддерживая тандем Лужкова – Примакова)... Говорил и с другими...

– Можно ли все-таки сказать, что чьи-то советы решающим образом повлияли на Ельцина, побудили его остановить свой выбор на Путине?

– Ничьи советы не повлияли. Да, он со многими советовался, и я не знаю никого, кто сказал бы что-то плохое о Путине образца 1996 – 1999 годов. Но если бы Борис Николаевич почувствовал в нем что-то не то, – никогда бы не согласился сделать его преемником, несмотря ни на какие советы. Я все-таки считаю, что Борис Николаевич на интуитивном уровне блестяще чувствовал людей, и в важный, критический момент делал правильный выбор. Так было и с увольнением сотрудников, и с их назначением.

«Мы все тогда были счастливы»

– В общем, в окружении Ельцина не нашлось ни одного человека, кто бы ему сказал: «Борис Николаевич, по-моему, вы делаете ошибку»?

– Да, вблизи Ельцина не было никого, кто бы мог так сказать. Те же Чубайс, Гайдар, Кудрин, Дубинин, – они были на седьмом небе оттого, что Борис Николаевич смог сделать такой выбор. Они не просто были счастливы, – для Чубайса, например, это был

один из самых счастливых моментов в жизни (хотя сначала он был против кандидатуры Путина). Я просто помню, как на инаугурации Владимира Владимировича мы с ним обнялись, и он мне сказал: «Валя, ты не представляешь, что Борис Николаевич сделал, что мы все сделали! Теперь у страны на десятилетия – только движение вперед и ничто не может его остановить!»

Кстати, напомним, именно Чубайс рекомендовал Путина Юмашеву – тогда руководителю Администрации президента – на должность начальника Главного контрольного управления (причем этот пост совмещался с должностью заместителя главы Администрации). И все годы, что он работал с Путиным, Юмашев, по его словам, был чрезвычайно благодарен за этот совет: Путин был «аккуратен, профессионален, блестяще решал поставленные перед ним задачи». По этой причине Юмашев (уже он, а не Чубайс) все время двигал его вперед. При Юмашеве Путин стал первым замом главы Администрации, потом – директором ФСБ и, через несколько месяцев, еще и секретарем Совета безопасности (это был первый случай, когда человек совмещал два таких важных поста).

Может быть, стоит напомнить и то, что именно Юмашев попросил Ельцина обратить на Путина особое внимание. Это случилось не тогда, когда он предлагал его президенту на должность своего первого зама, а позже, – когда еще более утвердился во мнении, что он «очень сильный работник», несравненно более сильный, чем все остальные ведущие сотрудники Администрации – Ястржембский, Приходько, Орехов... Хотя все они тоже считались достаточно сильными... Ястржембского, например, Юмашев одно время даже подумывал рекомендовать Ельцину на пост президента...

Дальнейший карьерный рост Путина – премьер-министр, президент – происходил уже при Александре Волошине.

Итак, ближайшее окружение Ельцина испытало настоящую эйфорию в связи с избранием Путина президентом. Когда она стала рассеиваться?

– После избрания Путина президентом, – говорит Юмашев, – встречаясь с Чубайсом, мы все время, естественно, переживали за Владимира Владимировича, обсуждали, как у него идут дела, и до истории с Ходорковским у нас не возникало никаких, даже малейших, тревог, что что-то может двинуться куда-то не туда. А ведь это был уже 2003 год. Заканчивался его первый срок...

«Молчи, скрывайся и таи...»

В таком случае, может быть, все дело в том, что, став президентом, Путин пережил некую трансформацию, которую невозможно было спрогнозировать, и, в конце концов, предстал абсолютно другим человеком, нежели тот, на котором остановил свой взор Ельцин? Такое ведь тоже бывает.

– Да, я считаю, это именно так, – соглашается со мной Валентин Борисович. – То, что сейчас происходит, с моей точки зрения, невозможно было предвидеть. Путин сильно переменился. Не знаю, почему. Может быть, он человек, для которого очень важно, кем он окружен, человек, который очень пластичен. Если вокруг него люди демократических убеждений, он – демократ... Потихоньку меняя свое окружение (кто-то уходил сам – Волошин, Илларионов, – кого-то, как Касьянова, он снимал), в конце концов, он стал тем, кого мы видим сейчас. При этом, однако, я не уверен, что тот, кого мы видим сейчас, – это настоящий Путин. И вполне возможно, нас ждут новые повороты и сюрпризы...

Вот ведь забавная вещь. «То, что сейчас происходит... невозможно было предвидеть». Может быть, в какой-то степени это, в самом деле, так. Однако сам факт, что дальнейшее его, Путина, поведение непредвидимо и непредсказуемо, что он вполне может развернуться и на 90, и на 180 градусов, – это-то, наверное, не так уж трудно было заподозрить и предугадать. Почему? Да потому, что он был – из клана «рыцарей плаща и кинжала». Не Штирлиц, конечно. Никаких таких шпионских подвигов за ним не числилось. Пять лет просидел в ГДР, в Дрездене, днем в основном подшивал в папку никому не

нужные отчеты, а вечером попивал пиво с коллегами. Но, без сомнения, ПО СВОЕЙ ПСИХОЛОГИИ к тому времени он уже был «человеком с Лубянки» (или откуда там – из Ясенева?) Некоторые азбучные элементы этой психологии он выдрессировал в себе еще в отрочестве, еще только когда мечтал о карьере Джеймса Бонда. Главный элемент этой психологии – абсолютная, стопроцентная скрытность, закрытость от внешнего взора, зашторенность. «Молчи, скрывайся и таи и чувства, и мечты свои!» Так что, сколько бы Борис Николаевич (или кто-то из его окружения) ни изучал его, сколько бы с ним испытующе ни беседовал, по-настоящему узнать, что это за человек, у них не было ни малейшего шанса. По словам его дрезденского сослуживца уже много раз мной упомянутого, Владимира Усольцева, Путин принадлежал к тем людям, кто «думает одно, а говорит другое». В общем, перед Ельциным и его советниками был типичный «кот в мешке». И именно это обстоятельство с самого начала должно было всех насторожить.

– Нет, прошлая служба Путина в КГБ абсолютно не настораживала, – говорит Юмашев. – Не настораживала ни Бориса Николаевича, ни меня, ни кого-либо еще, кому следовало бы насторожиться. Ведь кто шел в КГБ? Не только те, кто мечтал сделать карьеру, дослужиться там до высоких постов... Не только те, кто встал на этот путь, может быть, под каким-то давлением (было ведь и такое – это примерно то же, как в партию вступать заставляли; мне, например, чтобы стать членом редколлегии «Огонька», пришлось вступить в КПСС)... Но у меня есть очень хорошие близкие друзья, которые пошли в КГБ, движимые романтическими побуждениями. Я и сам, когда мне было лет тринадцать, тоже думал, что буду разведчиком... И только потом изменил свои намерения – стал журналистом. В общем, повторяю, есть куча людей, которые какое-то время служили в КГБ, а потом стали хорошими профессионалами, так сказать, «на гражданке»... Так что, в первую очередь, – не только в случае Путина, – когда мы кого-то брали на работу, когда двигали по службе, то старались оценить профессиональные, человеческие качества этого работника, не заикливаясь на его биографии. Конечно, у тех, кто там служил – в КГБ, – что-то от этого остается. Но не обязательно это является определяющим.

Знал ли Ельцин о расследовании

Марины Салье?

Знал ли Борис Николаевич о той давней истории, когда зимой 1991-1992 года из Питера было вывезено за рубеж сырье как бы в обмен на продовольствие, однако продовольствие в городе так и не появилось? Знал ли он об участии Путина в этой истории? Как ко всему этому отнестся? Задаю этот вопрос Юмашеву, однако Валентин Борисович уклоняется от ответа.

Между тем, по словам бывшего начальника Контрольного управления Администрации президента Юрия Болдырева, он докладывал Ельцину об этом скандале где-то в конце весны – начале лета 1992 года. Какова была реакция президента? Никакой особенной реакции не было. Болдырев (в интервью «Свободе»):

– Тогда вселенная еще не была столь питероцентричной. История с проверкой в Питере... была рядовой проверкой, выявившей существенные нарушения, но не радикально более серьезные, чем в других субъектах федерации. Там были совершенно стандартные вещи, связанные с получением прав

на вывоз стратегических металлов в обмен на продовольствие и с непоставками продовольствия... Такого рода факты были тогда весьма типичными.

Типичными-то типичными, и Ельцин наверняка забыл о болдыревском докладе, но его помощники, готовившие, так сказать, биографическое досье на Путина при его выдвижении в преемники, наверное, должны были бы напомнить и об этой мутной истории: как-никак человек выдвигается в будущие президенты. Но, с другой стороны, о чем напоминать? Дело-то так и осталось не расследованным.

– По результатам проверки и моего доклада Ельцину, – говорит Болдырев, – было принято решение передать все эти материалы в представительство президента в Санкт-Петербурге и Ленинградской области для отслеживания ситуации и принятия мер по

исправлению всех выявленных недостатков. Направлялось ли что-то в прокуратуру, я уже не помню.

Однако Марина Салье, как уже говорилось, – помнит: дело направлялось в прокуратуру, еще до того, как оно попало к Болдыреву. Однако никакого расследования проведено не было.

Кстати, когда Болдырев в марте 1992 года узнал от Салье о питерской истории, его реакция на нее не была такой вялой, как он сейчас о ней вспоминает («типичная», «рядовая», «стандартная» история, «массовое явление»). Он сразу же, 31 марта 1992 года, написал на бланке управления довольно решительное письмо министру внешнеэкономических связей Авену:

«Уважаемый Петр Олегович! В Контрольное управление Администрации президента Российской Федерации поступили материалы от депутатов рабочей группы Санкт-Петербургского городского совета народных депутатов, свидетельствующие о возможной необходимости отстранения председателя Комитета по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга Путина В.В. от занимаемой должности. В связи с этим прошу Вас не рассматривать вопрос о назначении Путина В.В. на какие-либо должности впредь до рассмотрения этих материалов Контрольным управлением».

Имелось в виду – о назначении Путина уполномоченным Министерства внешнеэкономических связей, что давало бы ему официальное право выдавать лицензии на вывоз сырья за рубеж. Однако письмо это запоздало: лицензии давно уже выдавались Комитетом по внешним связям питерской мэрии, во главе которого стоял Путин. Не говоря уж о том, что Путин не был отстранен от своей должности председателя этого комитета.

Главные достоинства – аккуратность и исполнительность

Повторю еще раз, с кем бы из людей информированных я ни говорил на тему о том, какие, собственно говоря, качества побудили Бориса Николаевича выбрать Путина на

роль преемника, все, за исключением разве что Немцова, перечисляли в основном такие: аккуратность, профессионализм, четкость в работе, исполнительность, прекрасные качества полемиста (хорошая реакция, упорство в отстаивании своих аргументов, своей позиции), способность к жестким действиям, вообще признаки сильной личности... Ни разу ни от кого я не услышал, что Путин показал себя убежденным демократом, причем так показал, что не поверить в это было невозможно.

Да он и не мог себя так показать, потому что он и в реальности таковым не был. Почти всю горбачевскую перестройку, когда вся страна бурлила, когда расшатывались и низвергались основы основ, Путин тихо просидел в этом самом Дрездене за этими самыми отчетами и пивом. В общем, был не вполне в курсе происходящего на родине.

Вернувшись в Россию, он также какое-то время как бы пребывал в неведении, что, собственно говоря, здесь творится.

«...До этого момента (до августовского путча. – **О.М.**), – признавался он позднее, – я не мог оценить всей глубины процессов, происходящих в стране. После возвращения из ГДР мне было ясно, что В РОССИИ ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ (выделено мной. – **О.М.**), но только в дни путча все те идеалы, те цели, которые были у меня, когда я шел работать в КГБ, рухнули».

Вот веха – август 1991-го, – когда человек как бы с Луны свалился и начал с удивлением оглядываться вокруг, пытаюсь понять, куда же он попал...

А спустя всего лишь восемь лет он – фактически глава государства...

Без сомнения, начало политической карьеры Путина и одновременно, как бы на это ни смотреть, первоначальный момент его внедрения в «демократическую тусовку» – это устройство на работу к Собчаку. Устройство совершенно случайное, по протекции приятеля. (Если отбросить в сторону возможность и еще худшего варианта, – что он пошел туда по секретному распоряжению кагэбэшного начальства).

У Собчака Путин опять-таки никак не проявил себя как демократ, вообще как публичный политик – занимался хозяйственной деятельностью, международными связями. На людях – опять та же самая шпионская привычка – прятался у Собчака за спиной.

И в Москву – по протекции своего питерского знакомого, ставшего вице-премьером Алексея Большакова – попал опять-таки на хозяйственную работу – к Паше Бородину...

Затем началась собственно политическая карьера, причем на самом высоком уровне.

Почему все-таки Ельцин не посчитал нужным как-то особо проверять, насколько прочны и глубоки демократические убеждения его преемника?

Юмашев:

– Он был убежден, что после 1996 года в управлении государством уже невозможно отойти от основополагающих демократических принципов. Если, конечно, в результате каких-то потрясений к власти не придет Примаков или Зюганов. Но если он, Ельцин, отдает власть человеку уже следующего поколения, – тут уж нет никаких сомнений, в каком направлении при этом его преемнике пойдет дальнейшее развитие России. Понятно – это рынок. Понятно – это весь набор демократических институтов: разделение властей, свободные суды, свободные СМИ. Ельцин был убежден: если к власти приходят люди из нового поколения, все это не может быть разрушено ни при каких обстоятельствах. Конечно, могут быть какие-то частные, небольшие отклонения, но общий вектор движения абсолютно очевиден и не может быть изменен никак. Поэтому главным для Бориса Николаевича было понять, есть ли воля у этого человека, которого он определяет себе в преемники, сможет ли он преодолеть те трудности, которые всегда возникают при руководстве такой страной, как наша. Давайте представим себе на минуту, что Борис Николаевич начал бы искать на пост следующего президента «стопроцентного» демократа и либерала. На кого бы он обратил внимание? На Гайдара? На Чубайса? У нас ведь таких «технологичных либералов», которым можно было бы доверить страну, – раз-

два и обчелся. Но согласитесь: вряд ли Гайдара можно поставить на первую позицию. Его ведь наш добрый народ разнесет в пух и прах за несколько месяцев... Да, он понятный человек, с понятной либеральной, демократической идеологией. Но он никогда не фигурировал как кандидат на эту самую позицию, поскольку ясно: он даже избран не будет ни при каких обстоятельствах. Про Чубайса, которого тот же народ так же ненавидит, как и Гайдара, даже больше, тоже нечего говорить. В общем, есть какая-то идеальная ситуация и есть возможная. И вот Борис Николаевич вроде бы перебрал в своем воображении всех, кого только можно было бы представить на президентском посту. И у него отпали фигуры, которые он считал недостаточно сильными, отпали те, кто, по его мнению, мог уклониться от главной, демократической, линии... Те, кого не примут избиратели... Остался – Путин.

Неужто главное – возраст?

Неужто все-таки, кроме Путина, никого не было? Почему он не остановился, скажем, на Черномырдине? Да, он попытался его выдвинуть, но не пошел в этом деле до конца. А потом и вовсе решил, что все-таки Виктор Степанович не та фигура, какую он хотел бы видеть в роли преемника. Ну да – возраст. У Бориса Николаевича крепко засела в голове вот эта идея, о которой уже говорилось, – должен прийти человек из следующего поколения. Конечно, в ту пору Виктор Степанович был не так уж и стар – шестидесяти двух ему тогда еще не стукнуло. И без того ведь необычайно узок был круг этих «революционеров», – кандидатов в преемники, – а если еще принимать в расчет и такой критерий, как возраст...

Юмашев:

– Возраст Борис Николаевич понимал не просто как возраст, а как некую ментальную категорию. Его не устраивал менталитет Черномырдина – старого советского хозяйственника, «красного директора», хотя к тому времени ЧВС кое в чем его уже преодолел. Кроме того, Ельцин намучился с премьером Черномырдиным, когда его

«мочили» два его первых зама, два первых вице-премьера – Чубайс с Немцовым, особенно Немцов. Уверяли, что он не рыночник, что вместо того, чтобы твердо идти вперед, он топчется на месте. Они накручивали Бориса Николаевича. Особенно опять-таки Немцов. Чубайс-то не так. Ельцину приходилось все это выслушивать, защищать премьера... Это тоже, безусловно, повлияло... Кроме того, была опасность, что если бы Черномырдин стал президентом, страна натерпелась бы бед от всей этой команды – Гусинского, Березовского и прочих. Продолжилась бы деятельность наших безответственных миллионеров (тогда еще – миллионеров), которые энергично, агрессивно пытались влезть в политику, считая, что они не только имеют на это право, но это их долг – влезать в суды, в прокуратуру, проплачивать различные газетные «наезды», «мочить» кого угодно в эфире...

Человек неотразимого обаяния

Итак, как бы о том ни судить, никаких твердых, надежных оснований, чтобы считать Путина убежденным демократом, потенциальным перворазрядным публичным политиком, государственным деятелем (а кто же тогда президент?) не было. А что же было? Кроме твердости характера, силы воли, кроме тех деловых качеств вполне квалифицированного чиновника, госслужащего достаточно высокого (хотя, может быть, и не самого высокого) уровня, которые все время почти все перечисляют, было еще одно – то самое обаяние, о котором постоянно поминает в своей книге Владимир Усольцев. Может быть, Борис Николаевич (а заодно и все его советники, формальные и неформальные) действительно поддались прежде всего этому обаянию? Хорошо ведь видно, как и теперь оно, еще более отточенное самоотверженным трудом имиджмейкеров, неотразимо действует на народные массы. Я и сам, глядя по телевизору на артистические выступления Путина, порой ему поддаюсь...

– Нет, – возражает мне Юмашев, – насчет того, что главную роль при выборе Путина сыграло его обаяние, – это полная чушь. Начать с того, что сам он никогда не хотел быть президентом. У него такой идеи вообще не было. Это первое. Второе – обаяние, как

известно, используется для того, чтобы делать карьеру. А каждое его очередное повышение происходило из-за каких-то совершенно не зависящих от него обстоятельств. Взять хотя бы такое. Чубайс уходит в правительство с поста главы Администрации президента. При этом забирает с собой половину Администрации. Предлагает мне занять его место. Но я не администратор, я журналист. У меня нет ни опыта административной работы, ни людей. Я отказываюсь. Чубайс меня уговаривает, обещает: «Я тебе наберу команду». В конце концов, увидев, кого он предлагает в эту самую «команду», я соглашаюсь. Среди подобранных Чубайсом кандидатов был и Путин: его он предложил на место Кудрина (руководитель ГКУ и одновременно заместитель главы Администрации). Никакого путинского обаяния тут не потребовалось... Второй случай – так называемый «писательский скандал» (помните, Чубайс и ряд его близких сотрудников получили крупные гонорары от одного из зарубежных издательств за еще не написанную книгу о приватизации, после чего «дружественное» Чубайсу телевидение раздуло «дело о коррупции»; это была ловушка, подстроенная Гусинским и Березовским). Борис Николаевич, вынужденный считаться с «общественным мнением» увольняет Казакова, через какое-то время отстраняет от должности Бойко, Коха... – всех, кто участвовал в этом скандале. Кроме самого Чубайса. Казаков, который, по рекомендации Чубайса, занимал должность первого зама главы Администрации, оставляет после себя пустое место. Я ставлю на это место Викторию Митину, однако вскоре понимаю, что ошибся: она явно «не тянет». Я увольняю ее и смотрю, кто бы из числа моих замов мог бы стать первым. Этот? Этот? Этот? И – останавливаюсь на Путине. Почему? По чисто технологическим соображениям. Ни каких-то особенно близких отношений у меня с Путиным не сложилось, вообще не было ничего личного... Просто Путин грамотно, точно работал с регионами, много ездил по стране (работа в ГКУ этого требует). За этот год с небольшим, в течение которого он пробыл на этом месте, он хорошо узнал всех губернаторов. Обо всем этом я мог судить достаточно уверенно: я с замами встречался раз в неделю, так что у меня набралось, наверное, более полусотни встреч с Путиным, это кроме встреч на различных совещаниях. Так что я был уверен: Путин вполне готов был к тому, чтобы подняться на ступеньку выше. Не пытался он ни понравиться кому-то, ни произвести на кого-то хорошее

впечатление... Вообще было ощущение, что он не очень-то и дорожит своей работой. После он мне говорил: «Если бы ты не поставил меня в тот момент первым замом, я бы ушел... Потому что машина уже работала, и мне не очень хотелось там просто так сидеть». И вот он стал первым замом. Это серьезная должность. Когда глава Администрации куда-то уехал или его просто нет на месте, за все отвечает первый зам. То есть это серьезный политический игрок. Соответственно, и число встреч Путина с Борисом Николаевичем автоматически увеличилось во много раз... Короче, возвращаясь к вопросу об обаянии, Путин не то, что никогда не «включал» это обаяние, – напротив, если бы он хотел кого-то «обаять», он бы делал все точно наоборот, нежели он в действительности делал. Он вообще не предпринимал ничего, чтобы начальство к нему хорошо относилось. Попросту абсолютно методично выполнял круг своих обязанностей.

Если бы вернуться в 1999-й...

Вот снова я слышу о методичности, точности, аккуратности Путина... Но меня по-прежнему занимает вопрос: как же может претендовать на пост президента человек, не имеющий практически никакого политического опыта? И опять я слышу от бывших близких сотрудников Ельцина: если бы сейчас перенестись назад в 1999 год, – даже с учетом всего того опыта, который у нас есть на сегодня, среди тех кандидатов, которые тогда были, все равно наиболее подходящим следовало бы считать Путина. Юмашев:

– Единственно, что надо было бы сделать, готовя его в преемники, – больше привлекать его к обсуждению и решению не только каких-то технологических, управленческих, но и наиболее важных общеполитических проблем. Чтобы он как бы через себя все их пропустил, понял, почему все делается так, а не эдак. Конечно, у него было свое мнение по тому или по другому вопросу, но есть вопросы, в которых по-настоящему разобраться можно только так – будучи непосредственно включенным в их решение. Условно говоря, он действительно находился чуть сбоку от многих политических процессов. Сначала он руководил Главным контрольным управлением, потом, став первым

замом главы Администрации, опять-таки занимался регионами... А такие общеполитические вещи, как, усовершенствование правовой, избирательной, партийной системы, федеративных отношений, соблюдение свободы СМИ и т.д., – это все проходило без него. Он вообще никогда не привлекался к обсуждению таких вещей. Глава администрации обсуждал с ним, что там в одном регионе творится, что – в другом... Что с этим губернатором делать, что с этим... Как помогать этому, как тому, как кого финансировать... Потом он перешел на работу в ФСБ, а уж это, понятно, вообще особая, отдельная сфера деятельности... Так что общеполитическими вещами он не занимался или занимался недостаточно. Но если вы доверяете человеку страну, вы, конечно, должны заранее привлечь его к решению общеполитических проблем и после иметь представление, как он будет в этой сфере действовать. В общем, в 1999-м никакой ошибки не было, – просто с годами человек НЕПРЕДСКАЗУЕМО изменился. Да и вообще, ошибся Борис Николаевич или нет, мы поймем, может, лет через десять. Может быть, нашей стране, нашим людям так и надо, – чтобы ценили свободу, чтобы ценили правду и ненавидели ложь? Может быть, Борис Николаевич специально нам все это устроил, чтобы произошел катарсис, очищение, чтобы прививка, которую мы сейчас получаем, сработала уже навсегда, на века, как она сработала, в конце концов, в Европе?

Не думаю, что Ельцин – при всем моем уважении к нему – был так тонок и глубок, чтобы устроить для России подобную прививку.

К тому же «прививка несвободой» делается нашему Отечеству уже который век, считай с самого дня его основания. Да вот как-то все не возникает из-за этого у нашего народа жажда свободы. Как писал Чаадаев: «...Мы, можно сказать, некоторым образом – народ исключительный. Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок... В нашей крови есть нечто, враждебное всякому истинному прогрессу».

Татьяна ЮМАШЕВА:

« ОТЦА НЕ СМУЩАЛО ЛУБЯНСКОЕ ПРОШЛОЕ ПУТИНА»

«Проблема собственной безопасности

папу не волновала»

С Татьяной Дьяченко, ставшей к тому времени Татьяной Юмашевой, мне поговорить не удалось: когда собирал материал для этой книги, она хранила обет молчания. Однако в декабре 2009-го неожиданно нарушила его – дала пространное интервью мужскому журналу «Медведь» (мы с ней «пообщались» потом – в ее блоге в «Живом журнале»).

Ее рассказ о том, как и почему Ельцин в качестве преемника выбрал Путина, в общем-то, совпадает, с тем, что об этом говорит ее супруг. По поводу расхожего мнения, будто Борис Николаевич сделал такой выбор, стремясь обеспечить безопасность себе и своим близким:

– Папа вообще так не мыслил – безопасно для него это или небезопасно. Не волновала его и тема безопасности семьи. Он вообще этой проблемы не видел. Я ее тоже, кстати, считала надуманной. Если бы Лужков или Примаков пришли к власти, они стали бы меня арестовывать? Конечно, нет. Ну, а уж папа вообще думал совсем в других категориях. Если бы он об этом задумывался, он бы оставил премьером Виктора Степановича Черномырдина, человека безгранично порядочного и верного. Но он считал, что новой России нужен президент новой формации, человек нового поколения. Именно поэтому папа считал неправильным выдвигать кандидатом в президенты Лужкова или Примакова, к которым, кстати, хорошо относился...

Насчет того, что Ельцин, когда он искал преемника, хорошо относился к Лужкову и Примакову, – это не совсем так...

Объяснение Татьяны Борисовны, почему все-таки Ельцин остановил свой выбор на Путине, в общих чертах совпадает с объяснениями других близких Ельцину людей. Читатель может меня упрекнуть, что, приводя эти объяснения, я повторяюсь, но я считаю важным их привести, – может быть, в ущерб читабельности книги, – ибо это своего рода исторические документы. В конце концов, круг людей, знавших, как было дело, очень невелик, так что свидетельство каждого весьма важно.

– Папа сам сделал выбор, – говорит Татьяна Борисовна. – Но я была этому рада. Когда Валентин Юмашев, будучи главой президентской Администрации, назначил Путина своим первым замом (до этого он был начальником Главного контрольного управления), у папы появилась возможность чаще видеть, встречаться с Владимиром Владимировичем, наблюдать его.

И далее следует перечисление уже известных нам качеств Путина, выделивших его среди других возможных претендентов:

– Он всегда точно формулировал свои доклады, был четок, лаконичен. У него был сложный участок работы – первый зам в Администрации отвечал за регионы, а тогда была непростая ситуация и с зарплатами, и с пенсиями. Ему приходилось быстро и оперативно снимать самые острые ситуации. Увидев, насколько Путин эффективен, папа назначил его директором ФСБ. Поскольку силовики напрямую подчиняются президенту, количество встреч между ними еще больше увеличилось. Скорее всего, именно тогда папа окончательно определил, что Путин может быть подходящим кандидатом на должность президента. А к весне 1999-го он сузил круг до двух кандидатов. Первым в этом списке стоял Владимир Владимирович (вторым, как мы помним, был Степашин; иногда возникает еще фамилия первого вице-преьера Аксененко, но люди, близкие Ельцину, редко ее упоминают. – **О.М.**) И когда в августе 1999-го папа назначил его исполняющим обязанности премьера, а потом его Дума утвердила, я помню, с каким облегчением папа вздохнул. На второй по значению должности в стране оказался тот, кому он готов был доверить будущее России. Папа хотел видеть следующим президентом человека другого

поколения, молодого, новой формации. Это первое. И второе: человека с сильным, твердым характером, способного брать ответственность на себя.

Чего-то в перечне качеств опять не хватает... Здесь опять из перечисления необходимых качеств как-то выпадает вроде бы обязательный для такого выбора критерий, – чтобы человек обладал твердыми демократическими убеждениями.

И снова о стремлении Ельцина передать президентские полномочия «человеку другого поколения, молодому, новой формации»... На первый взгляд, вроде бы благое желание. Но тут на ум должны придти и некоторые опасения: обязательно ли молодой человек будет лучше, чем не очень молодой? У молодого, наверное, скорее, чем у немолодого, проявятся какие-то немислимые амбиции по переустройству всего и вся, что было сделано предшественником, обнаружится стремление к каким-то глобальным переменам, не обязательно идущим на пользу стране. Собственно говоря, так и случилось с Путиным. Если бы президентом после Ельцина стал не он, а, допустим, Черномырдин, вероятность, что Виктором Степановичем овладела бы жажда все радикально менять, все крушить и ломать, была бы гораздо меньшей. Возраст уже не тот, устремления не молодецкие. И еще одно соображение: если с выбором преемника вдруг случится ошибка, – чем черт не шутит! – несравненно хуже, конечно, когда на посту «ошибочного» президента оказывается более молодой человек: в таком случае ждать, когда он освободит президентский кабинет «по естественным причинам», стране придется долго, долго, долго...

В общем, то, что Борис Николаевич во что бы то ни стало желал видеть своим преемником «человека другого поколения, молодого, новой формации», было, по-видимому, одной из главных предпосылок для совершения роковой ошибки.

Кто был в списке кандидатов

После интервью в журнале «Медведь», видимо, войдя во вкус общения с публикой, Татьяна Юмашева завела, – впрочем, ненадолго, – блог в интернетовском «Живом журнале». Здесь в комментарии к одному из ее постов я ее снова спросил, почему все-таки ее отец выбрал Путина. Татьяна Борисовна перечисляет, кто был в «обойме» претендентов весной 1999 года. В основном это те люди, которые приводятся и другими моими собеседниками в этой книге. Каждому из них Татьяна Борисовна дает характеристики, также совпадающие в общих чертах с тем, что говорят другие.

«Евгений Максимович Примаков, премьер-министр страны. Он вас (то есть Бориса Николаевича. – **О.М.**) не устраивает, потому, что, после его пребывания в течение всего лишь нескольких месяцев на посту премьера тут же началась жесткая атака на бизнес, с веселыми приговорками, что у нас тут сколько-то тысяч мест освободилось после амнистии в тюрьмах, мы можем их (то есть предпринимателей. – **О.М.**) принять. Жалобы премьера на СМИ, что они не так, как хотелось бы, освещают работу правительства. Менее существенные, но важные для вас детали – ему сейчас уже семьдесят, он старше вас, эта работа высасывает все силы, хватит ли ему их? Ну, и главное, вы хотите нового лидера стране, молодого (вот опять! – **О.М.**) Чтобы следующее поколение политиков встало у руля страны».

Далее в перечне идет Черномырдин. «Опытный, сильный, порядочный, рыночник, закаленный в политических баталиях». Отец пытался представить его на должность премьера, но Дума дважды его провалила. Как полагает Татьяна Юмашева, ссылаясь при этом и на мнение, которого будто бы придерживался ее отец, Черномырдину как «отставному политику» президентские выборы не выиграть.

В действительности, я уверен, Черномырдин был единственным человеком, который мог бы одолеть на выборах и Примакова, и Лужкова, и Зюганова, не развязывая при этом вновь войну на Северном Кавказе. У Виктора Степановича была мощная поддержка и так называемых «элит», и простых избирателей. На мой взгляд, Ельцину, когда он выдвигал Черномырдина в августе – сентябре 1998 года, следовало до конца бороться за него, не останавливаясь перед роспуском Думы, отвергавшей этого кандидата.

И, распустив Думу, не побояться опять, как в 1993 году, выйти за пределы Конституции, – назначить Виктора Степановича и.о. премьера с перспективой сделать его президентом и отложить новые выборы, но не на два месяца, как тогда, а на неопределенный срок, пока Черномырдин не закрепится у власти. Это, на мой взгляд, был единственный, оптимальный выход. Другого, как показали дальнейшие события, не было. А за очередное нарушение Конституции история простила бы его.

Следующий кандидат – Юрий Михайлович Лужков. «Он очень хочет стать премьером. Рвется в бой». Но он подвел отца в важный и решительный момент, когда тот пытался договориться с Думой по Черномырдину: неожиданно, соединился с коммунистами и заблокировал назначение Виктора Степановича. После этого никакого доверия к Юрию Михайловичу у отца уже не было. Кроме того, ему не нравился «этот странный семейный бизнес, процветавший в Москве». Были у него вопросы и к команде мэра... Короче, Лужков, был вычеркнут из списка».

Юмашева приводит также фамилии людей, которых в реальности Ельцин, насколько я знаю, вообще не рассматривал в числе кандидатов. Приводит, видимо, просто так, на случай, если у кого-то из блогеров они все-таки всплывут в памяти.

Григорий Явлинский? «Вечный оппозиционер, опытный политик, либерал и демократ». Может он выиграть выборы у Зюганова? Нет, шансов на это нет».

«Гайдар или Чубайс? Отец обеими руками за того и за другого. Они ему близки, он уверен в них. Он ясно понимает, что каждый из них будет делать, оказавшись на посту президента. Но опять-таки ни тот ни другой выборы не выигрывает».

Борис Немцов? Борис Николаевич «все время» думал про него. Но после августовского дефолта 1998 года, после отставки «яркого правительства Сергея Кириенко», на которое отец так надеялся, он считает, что у кандидатуры Немцова шансов тоже нет.

Остались двое...

Реальный кандидат – Сергей Степашин. Отцу он нравится. «Интеллигентный военный. После тяжелой истории с отставкой с поста директора ФСБ после событий в Буденновске, он не скис. Через какое-то время Черномырдин рекомендовал его назначить руководителем департамента правительства, потом – министром внутренних дел». Борис Николаевич знает его еще с депутатских времен. Степашин всегда поддерживал его во время съездов, когда шло голосование по принципиальным вопросам. Он близок с Чубайсом, и для Ельцина это тоже важно: значит, этот человек продолжит рыночные преобразования. Степашин может выиграть выборы, у него есть политический опыт, он участвовал в избирательных кампаниях, знает, что это такое. Хорошо говорит. Его могут поддержать разные слои населения, – и военные, и пенсионеры, и средний класс. По словам Юмашевой, Ельцин считал Степашина одним из основных претендентов.

Как видим, ни о каких отрицательных чертах Степашина, которые все-таки сделали его кандидатуру неприемлемой для Ельцина, Татьяна Борисовна не упоминает.

Наконец – внимание! – последний кандидат. Владимир Путин. Татьяна Юмашева вновь дает ему характеристику, объясняющую, на ее взгляд, почему ее отец остановил свой выбор именно на нем. Эта характеристика отчасти дополняет ту, что она дала в журнале «Медведь». В последние годы Путин работал в Администрации президента. Работал очень хорошо. Когда он возглавлял Главное контрольное управление Администрации, отец его знал чуть хуже, хотя его четкие и ясные доклады ему нравились. А когда Путин стал первым заместителем руководителя Администрации, Борис Николаевич уже смог убедиться, что перед ним «серьезный, сильный руководитель, политик». Первый зам отвечает за регионы, и Путин за считанные месяцы смог наладить хорошие личные контакты с губернаторами. Ельцину нравились его содержательные доклады, его аргументация, его спокойный, сдержанный подход к острым проблемам, которые тут и там возникали в разных регионах страны. Ельцин, по словам его дочери, «не мог не оценить», как Путин «достойно повел себя», когда на его учителя, первого мэра Петербурга Анатолия Собчака повели атаку «со сфабрикованными уголовными делами», и Путин, «рискуя и должностью, и своим положением, фактически спас его». И когда

премьер Сергей Кириенко предложил Путина на должность директора ФСБ, Ельцин с удовольствием поддержал это предложение. Президенту нравилось в нем и то, что он не рвется на должности. Когда Борис Николаевич говорил с ним о назначении директором ФСБ, Путин ответил, что ему нравится та работа, которую он делает сейчас, и ему было бы жаль ее покинуть.

Отца совсем не смущала его прошлая работа в КГБ. Наоборот, как полагает Татьяна Юмашева, в советское время образ разведчика всегда был светлым образом, так что причина, почему Путин, будучи молодым человеком, «пошел в разведчики», было понятна. Но в 1991 году он пришел к «одному из главных лидеров новой демократической России Анатолию Собчаку», и прошел с ним весь путь до конца.

Борис Николаевич наблюдал его во время работы в Совете безопасности, во время различных совещаний, изучал его при встречах один на один, – директор ФСБ постоянно бывал на докладе у президента. Татьяна Юмашева уверена, – опять-таки полагая, что таким же было мнение и самого Ельцина, – что Путин был «одним из самых содержательных людей» в команде президента.

И вот Ельцин решил, что он – его главный кандидат. Он поведет страну демократическим курсом. Он – за рыночные реформы. У него сильный характер, он продолжит движение России вперед. У Бориса Николаевича нет сомнений, что на выборах он победит своих основных соперников. Да, сейчас его никто не знает. Но отец уверен, что его обаяние (!) и его внутреннюю силу люди сразу почувствуют. Какое-то время Борис Николаевич еще продолжает думать и анализировать, – Путин или не Путин? И в конце концов решает – Путин!

Совсем не ясно, почему вдруг Ельцин, прошедший не через одну выборную кампанию, решил, что «обаяния и внутренней силы» Путина окажется достаточно, чтобы победить на выборах таких людей, как Лужков, Примаков, Зюганов, обладавших в ту пору гораздо более высокими рейтингами. Уж они-то, без сомнения, прекрасно знали, что одних только «обаяния и внутренней силы» слишком мало для победы на выборах.

Путин – ставленник олигархов?

Отвечает Юмашева и на распространенное мнение, что Путина в преемники проталкивали олигархи.

«Как и все, кому дорого то, что происходит дома, – пишет Татьяна Борисовна, – кто не собирался бежать из страны, и кого волновало, кто будет следующим президентом страны, конечно, крупные бизнесмены обсуждали эти темы и в Белом доме, и в Кремле (кто мог туда добраться). Но точно так же эту тему обсуждали и губернаторы, и депутаты, и политики, все, кому было не безразлично, что будет происходить со страной в ближайшем будущем. Слушали ли их аргументы? Если это был умный человек, то, конечно, прислушивались к его позиции. Но участвовали ли они в принятии решения? Ответ – нет. Часть из них (из олигархов. – **О.М.**) пыталась действовать по-другому, как это сделал Гусинский, и вместе с ним некоторые другие бизнесмены, поставив на Лужкова и Примакова. Сейчас (то есть при Путине. – **О.М.**) это было бы невозможно. И это отдельная тема, хорошо это или плохо».

Противодействие Гусинского и К°, вообще противодействие Кремлю в начинающейся избирательной кампании было довольно могучим. Татьяна Борисовна напоминает, что в 1999-м против Ельцина работала «мощнейшая медиагруппа Гусинского во главе с НТВ». Тандем Примакова – Лужкова поддерживала практически вся региональная элита, к ним бежали толпами сдаваться и договариваться о будущем. В Кремле были уверены: Примакову – Лужкову проиграл бы любой кандидат в президенты, кроме Путина.

Я-то полагаю, и уже не раз говорил об этом, проиграл бы и Путин, если бы не взрывы домов (независимо от того, кто их взорвал) и как реакция на эти взрывы – вторая чеченская война.

Олигарх Березовский, естественно, не мог быть на стороне Примакова и Лужкова. Знал цену и тому, и другому.

Кстати, Татьяна Юмашева, подтверждая, что и Борис Абрамович не имел ни малейшего отношения к выбору Путина преемником, несколько иначе, чем ее супруг, рассказывает о том, как Березовский отнесся к этому выбору.

«Поддерживая Путина, – пишет Татьяна Борисовна, – он (Березовский. – **О.М.**) все время сомневался, что это правильная идея. Его смущала прошлая работа Путина в органах КГБ. Он тоскливо говорил – бывших чекистов не бывает».

Замечательное слово – «тоскливо».

Велика Россия, а выбирать некого...

Почему же все-таки столь узок оказался круг людей, из которых Ельцину пришлось выбирать преемника?

Татьяна Юмашева:

«Это были тяжелые, напряжённейшие годы, когда разрушенную экономику пришлось поднимать из руин. И вы помните – если цена за баррель нефти поднималась выше 16 долларов, это было счастье (16 долларов – это еще много, обычно цена на нефть не поднималась выше 10 – 11 долларов. – **О.М.**) Поэтому любой политик, оказавшийся во власти, получал свою порцию негатива, в связи с теми непопулярными мерами, которые приходилось осуществлять... Так себя политически сожгли Чубайс, Гайдар, Черномырдин и многие другие, кто мог бы возглавить страну, но потерял шанс, с точки зрения папы, выиграть президентские выборы. Все последние годы, конечно же, он присматривался к гораздо большему количеству кандидатов, в том числе думал и о губернаторах. Я думаю (это полностью мое предположение, папа никогда об этом со мной не говорил), если бы не было дефолта августа 1998 года и правительство Сергея Кириенко с хорошими

результатами доработало бы до лета 2000 года, папа мог поддержать действующего премьера. Но, возможно, я не права. Что я точно знаю, и это папа мне говорил не раз, он считал, что следующим президентом должен стать политик нового поколения, с демократическими взглядами».

Что Ельцин завещал Путину

Я уже приводил здесь слова Валентина Юмашева: никаких таких «государственных» заветов, заветов по поводу расстановки кадров Ельцин Путину при последних встречах не давал, разговор шел главным образом на «приземленном», обычном, «бытовом» уровне, хотя собственно бытовые темы, касающиеся уходящего президента и его семьи, тоже не затрагивались. Татьяна Борисовна подтверждает эту версию:

«Оговаривались ли условия жизни страны при новом президенте? Кадровая, экономическая политика? Был ли какой-то пакет соглашений, писанный или неписанный? Отвечаю. Кроме фразы «Берегите Россию» папа ни о чем не попросил Владимира Владимировича. Ни о родных, ни о близких, ни о курсе (для него это было очевидно) (то есть очевидно было, что Путин продолжит ельцинский курс. – **О.М.**), ни о сохранении дорогих сердцу папы кадров. Исполняющий обязанности президента был абсолютно свободен в кадровой политике, в выборе дальнейшей стратегии. Что, в общем, и подтверждается жизнью».

Прав ли был тогда Ельцин, не заговорив о главном – о том, каким курсом, его преемнику следует вести страну? Татьяна Юмашева считает, что это было правильно – уйти и со стороны наблюдать за происходящим. Встречаться, если есть такая возможность, с действующим президентом, говорить ему, если что-то смущает или кажется неправильным. А уж будет ли новый глава государства прислушиваться к мнению своего предшественника или не будет, – это его выбор и его право.

Не раскаивался ли Ельцин?

Среди вопросов, которые задал Юмашевой корреспондент журнала «Медведь», был и такой: что в действиях Путина представлялось Ельцину неправильным, ошибочным, на что он резко реагировал, против чего протестовал? Как мне кажется, Татьяне Юмашевой не очень хочется распространяться на эту тему.

– Да, какие-то вещи его смущали, раздражали, – говорит она. – Возвращение гимна, например. Но он понимал, что у нового президента свое понимание, что нужно стране, людям, и считал, что это неизбежно и правильно, когда у президента своя позиция. Конечно, он сам бы делал какие-то вещи иначе, чем это делал Владимир Владимирович. Но сегодня именно Путин президент, и это его право и обязанность действовать так, как он считает нужным, а не так, как это кажется правильным Ельцину.

От других людей мы знаем, что реакция Ельцина на некоторые действия нового президента не была столь философски умиротворенной.

Аналогичный вопрос, даже в еще более острой форме, интересовал и многих читателей блога Татьяны Юмашевой: не раскаивался ли Борис Николаевич в своем выборе? Однако дочь первого президента так и не ответила на него. При этом поблагодарила «за мудрые слова» блогера Александра Билецкого, плотника по профессии, который написал в своем комментарии:

«Спасибо за подробное и очень интересное воспоминание. Вы очень тактично опустили условия, при которых делался выбор: экономика страны в глубоком кризисе после дефолта 1998 года, социальная структура общества – социалистическо-бюджетная, международная агрессия на Кавказе, и наконец, острый бюджетный дефицит при крайне низких ценах на энергоносители. На рубеже веков открытым был сам вопрос о целостности и самом факте существования России. В таких условиях, при такой постановке вопроса, – мера ответственности при выборе кандидата на должность «Верховного кризис-менеджера» – колоссальная. Цена ошибки, уступки, слабости – само существование России на карте мира.

Требовался умный, волевой русский человек, которому бы доверило свою судьбу абсолютное большинство граждан России. И это Божье Чудо, что такой человек был в принципе, и слава Богу, что Ваш отец остановил свой выбор на этой кандидатуре.

Условия, при которых делается выбор, имеют огромное значение... Сегодня, в условиях довольно спокойного протекания нового кризиса, отсутствия угрозы целостности страны, отстроенного механизма управления, наличия системы контроля со стороны государства за ключевыми экономическими отраслями, можно рассуждать об уровне культуры и демократичности стиля В.В.Путина, но в 1999 году Б.Н.Ельцину да и всей стране было не до тонкостей и галантностей. В тех условиях Ваш отец принял в интересах ВСЕЙ страны ЕДИНСТВЕННО верное решение. Упокой Господь душу Бориса с миром!

Демократия, конечно, очень хорошее слово, но в жизни конкретные механизмы должны соответствовать среде внедрения. По меньшей мере, глупо в дурдоме давать право пациентам на свободный выбор врачей, процедур и лекарств. Россия, слава Богу, не дурдом, но и духовно-нравственным здоровьем общество похвастаться пока не может. Мы все еще требуем большего, чем сами готовы отдавать. Нас все еще претит от ответственности и прет от желаний (так в тексте. – **О.М.**) Мы все еще ищем внешнего врага, чтобы оправдать собственную лень, равнодушие и лицемерие. И поэтому, мы имеем то правительство, которое заслуживаем и по Вере и по собственному объективному уровню развития. Но мы имеем и правительство, и возможность жить, делать выводы, и самосовершенствоваться в своем государстве. А это очень существенный аргумент за выбор Вашего отца. Как пойдет развитие дальше, это вопрос, но очень важно, чтобы сей процесс шел без обрушения прошлого, без революционных потрясений, с Верой в Господа, с любовью к Отечеству и уважением к своим согражданам.

Спаси Вас Господь!

С уважением Александр Билецкий».

Не думаю, что Татьяна Борисовна готова была бы слово в слово повторить этот комментарий, навеянный телевизионной пропагандой и религиозными проповедями, –

полагаю, «мудрым» ей показалось суждение, что при тогдашних обстоятельствах и при тогдашнем, да и при нынешнем, «духовно-нравственном здоровье общества» выбор Путина был «единственно верным решением», а уж как дальше дело пойдет, – это другой вопрос...

К теме «Не раскаивался ли Борис Николаевич?» Татьяна Борисовна вернулась в интервью «Известиям» 31 декабря 2009 года, но опять ответила уклончиво:

«Конечно, папа... не переставал волноваться, переживал за то, что происходит в стране. Наверняка хотел что-то подсказать, но всегда себя останавливал – и только во время встреч с Владимиром Владимировичем высказывал свою точку зрения. Считал неправильным публично вмешиваться в действия президента».

Александр ВОЛОШИН:

« КАК ЭТО БЫЛО ТОГДА В КРЕМЛЕ »

Разговор в Горках

Александр Волошин, – пожалуй, один из наиболее осведомленных людей, знающий, наверное, все или почти все, что происходило в российских верхах на рубеже прошлого и нынешнего столетий. Он был последним главой Администрации Ельцина и первым – Путина. Волошин редко «светится» в печати, не любит этого. И со мной он долго не соглашался побеседовать на тему «рокировки» Ельцин – Путин. В конце концов, однако, согласился, но я не уверен, что он был в нашей беседе до конца откровенен в изложении событий.

Впрочем, несмотря на это, разговор, на мой взгляд, был достаточно интересен. В нем, как в капле воды, отразилось, как смотрят на дело преданные сторонники Путина.

Мы беседовали с Волошиным гораздо позже, чем с другими моими собеседниками, представленными в этой книге – 15 января 2019 года. Со времени главных обсуждаемых событий прошло два десятка лет. Много уже забылось, кое о чем Александр Стальевич, как я уже сказал, видимо, не хочет вспоминать.

Спрашиваю Волошина, не советовался ли с ним Ельцин по поводу Путина, перед тем как предложить его на пост премьера с перспективой дальнейшего продвижения в президенты. В конце концов, как уже сказано, Александр Стальевич был главой Администрации, к тому же, как можно догадаться, к этому времени уже достаточно хорошо разобравшимся, кто такой Путин. С кем и посоветоваться, как не с ним.

Волошин:

– Честно говоря, прямо вот, чтобы Борис Николаевич спрашивал моего совета, – я такого не помню. Было много всяких разговоров, в разных форматах. И наверняка все возможные и невозможные варианты в этих разговорах всплывали. Но конкретно вот такого разговора с прямым вопросом, типа «Слушай, а что ты думаешь, не назначить ли...?» – я такого не помню. Хотя... В моей жизни много всего было.

В таком случае, когда он впервые услышал, что Ельцин собирается предложить Путина кандидатом на пост премьера и дальше – президента? По моим представлениям, это должно было случиться где-то весной 1999 года. Но Волошин отсылает меня к более позднему времени.

Волошин:

– Не помню точно, какие это были даты... Это был, наверное, конец июля или самое-самое начало августа.

– Да нет, не может быть, президент должен был вам сказать об этом еще до назначения Степашина премьером. Степашин был назначен 12 мая 1999 года.

Волошин:

– То, что он должен был сказать, это другой вопрос. Я говорю о том, как все обстояло на самом деле. А обстояло все так. Думаю, это был самый конец июля 1999 года. Или самое начало августа. Мы тогда занимались формированием предвыборных блоков – в декабре должны были пройти парламентские выборы. Картинка выглядела следующим образом. Мы находились в довольно сложной ситуации. Уровень поддержки Бориса Николаевича был довольно низкий – несколько процентов. Нашими оппонентами были коммунисты, а также Примаков и Лужков. Существовало также объединение губернаторов «Вся Россия», которое тоже готовилось к выборам и тоже не на нашей стороне. Они вели переговоры с лужковским «Отечеством» о том, чтобы сформировать единый избирательный блок. Одним из авторитетных лидеров в движении «Вся Россия» был президент Татарстана Шаймиев Минтимер Шаймиевич. Мы с ним тоже вели переговоры, я уговаривал его не интегрироваться с Лужковым и Примаковым – с «Отечеством», а либо оставаться нейтральными, либо интегрироваться как-то с нами, с «Единством» (будущей «Единой Россией». – **О.М.**) Шаймиев мне объяснял: мы, мол, не против вас – мы против коммунистов; все-таки во многих регионах коммунисты сильны, нам, их противникам, надо объединяться. В общем, был такой сложный разговор, мне никак не удавалось его уломать. В какой-то момент – насколько помню, это был конец июля – я сказал Борису Николаевичу, что, к сожалению, с Шаймиевым никак не удастся договориться. Борис Николаевич предложил встретиться нам двоим с Шаймиевым и все обсудить. Назначил нам аудиенцию в Горках. Насколько я помню, это был какой-то субботний день. Сидим в Горках, разговариваем. Борис Николаевич убеждает Шаймиева: объединяться с Лужковым вам нецелесообразно – они борются с властью, они борются против нас, это только породит дополнительную междоусобицу, а нам надо консолидироваться. Минтимер Шарипович, будучи опытным политиком, осторожно уклоняется от какого-то твердого ответа – да или нет – и только приводит

аргументы: Борис Николаевич, мы же с вами понимаем, что главная угроза – это коммунисты, поэтому в некоторых регионах нам полезно объединиться и с «Отечеством», чтобы коммунистов не допустить к власти; «Единство» не везде еще набрало силу... Такой вот идет вялотекущий разговор. Топчемся на месте, никуда не продвигаемся. Я чувствую, что Борис Николаевич уже начинает понемногу напрягаться. В какой-то момент он прерывает нашу беседу и говорит: «Минтимер Шарипович, я вам сейчас скажу одну вещь – просто, чтобы вы знали. А потом вы будете сами принимать решение. События будут развиваться следующим образом. Через какое-то время я отправлю правительство Степашина в отставку. Премьер-министром страны станет Путин Владимир Владимирович. Вы его знаете. А потом он будет президентом. Вы это имейте в виду». После этого Борис Николаевич встает. Говорит: «Так что вы думайте». Жмет Шаймиеву руку и выходит. Так закончилась встреча. Мы с Шаймиевым выходим из этого дома в Горках. Он немножко такой ошарашенный этим сообщением. Говорит: «Я очень хорошо отношусь к Владимиру Владимировичу, он замечательный человек. Но у него же нет опыта, он никогда такие должности не занимал. И чтобы он стал главой России... Мне кажется, это маловероятно, это невозможно, это трудно себе представить». Я уже точные слова не помню, но смысл был примерно такой. Он очень был этим озадачен. Ему показалось, что это что-то такое неправдоподобное. Вот это было примерно за неделю или дней за десять до отставки Степашина (она состоялась 9 августа 1999 года. – О.М.)

Говорил он со многими, но решение принимал - сам

Президент Татарстана был «ошарашен» сообщением Ельцина. Для него это было – как снег на голову. А ведь это политик, государственный деятель высокого уровня. Что же тогда говорить о простых смертных. Для тех, конечно, кто хоть немного интересовался политикой: кто не интересовался, им вообще все было «до лампочки» – что Путин, что не Путин, что Примаков, что не Примаков. Действительно ли появление фамилии Путина было чем-то из ряда вон выходящим?

Волошин:

– Ничего такого чудесного в ее появлении фамилии не было. Ясно, что руководителем правительства не мог стать просто никому не известный человек. Это должен был быть политик федерального уровня. Если взять крупные политические назначения, пожалуй, единственный случай, когда на высоком посту возник человек как бы «из небытия», – это случай с выдвижением Гайдара. Его, конечно, знали в профессиональной среде, но он не занимал никаких серьезных государственных постов. Если же брать других людей, ставших премьер-министрами... Виктор Степанович Черномырдин? Он был министром, – союзным, потом российским. Безусловно, был крупным государственным деятелем. Кириенко, который потом его сменил, был министром топлива и энергетики, федеральным министром. Примаков? Он тоже был фигурой – министром иностранных дел. За Примаковым шел Степашин, который до этого был министром внутренних дел, занимал другие высокие государственные посты. Что касается Путина – он все-таки до своего премьерства был вице-мэром крупного, пятимиллионного города. Потом – высокопоставленным сотрудником Управления делами и Администрации президента – заместителем, потом первым заместителем руководителя Администрации. Был директором Федеральной службы безопасности, секретарем Совбеза. Так что ясно: президентом мог стать кто-то из этого круга – кто как-то проявил себя на государственной службе. Путин проявил.

– Одним словом, сообщение Бориса Николаевича о Путине для вас не было таким уж неожиданным...

– Ну, в такой определенной, категоричной постановке для меня оно тоже было неожиданным. Вообще-то, таких разговоров, с упоминанием разных фамилий, повторяю, было очень много и когда впервые возникла фамилия Путина, я, честно говоря, уже не помню. Кстати, я также не помню, чтобы Борис Николаевич проводил какие-то совещания с вопросом: «А как вы думаете, кого бы мне выдвинуть в президенты?» Не было такого. Он, конечно, беседовал с большим числом людей, но решение принимал самостоятельно. А каких-то организованных, структурированных

дискуссий на тему кастинга в премьеры и президенты не было. Содержания его разговоров с теми или иными людьми я не знаю. Президент самостоятельный человек. Какими-то результатами разговоров он мог со мной как с руководителем Администрации делиться, какими-то мог не делиться...

Тогда президентство не было такой уж привлекательной должностью

Фамилий называлось много... Но в конце, на финишной прямой, остались две – Путина и Степашина. Спрашиваю своего собеседника, почему Борис Николаевич предпочел Степашину Путина.

Волошин:

– Думаю, потому, что ситуация становилась все более сложной. Боевики полезли в Дагестан. Ко всем проблемам добивалась и эта. Вкупе со всякими экономическими и другими проблемами она привела Бориса Николаевича к мысли, что нужен более жесткий человек, чем Степашин, необходима замена правительства. Это при том, что к Степашину Борис Николаевич реально относился хорошо. Сергей Вадимович действительно вполне достойный человек. Он точно был не врагом, даже не оппонентом для Бориса Николаевича. Но вот президент решил, что нужен другой, более жесткий, более решительный человек.

Среди приверженцев конспирологических теорий имеет хождение версия, что Путина в президенты протолкнули силовики, что это была спецоперация ФСБ...

Волошин:

– Да ну, глупости, это действительно конспирология. Что значит спецоперация ФСБ? К этому моменту Путин сам был директором ФСБ. Сам он, что ли, себя, проталкивал? Не могу сказать, что он вообще горел желанием занять эту должность. Мне кажется, что внутренне он не был к этому готов. Все-таки он такой человек... Даже,

будучи директором ФСБ и секретарем Совета безопасности, он никогда не стремился к особой публичности. Он не чувствовал себя публичным политиком. Для него это была какая-то новая, незнакомая жизнь, к которой он внутренне не был готов. Это проявилось и когда он окунулся в эту жизнь. Можно посмотреть хотя бы его первые публичные интервью. Он не всегда себя достаточно уверенно чувствует, не всегда смотрит в камеру. Это же большая дополнительная нагрузка – когда вся твоя жизнь вдруг начинает проходить под лучами прожекторов и под объективами камер. Это фактически изменение образа жизни. При том, что до этого, как я уже говорил, он занимал достаточно высокие должности, все-таки они были не такими публичными. В Питере он был менеджером – первым заместителем у мэра Собчака. Собчак являл собой политическую фигуру, практически девяносто процентов публичности руководителей мэрии приходилось именно на него. У Путина же не было необходимости вести активную публичную деятельность. В ФСБ, естественно, такой необходимости тоже не было. На посту первого зама руководителя Администрации президента? И здесь она требовалась не всегда. Поэтому, повторяю, нельзя сказать, что он так уж жаждал стать президентом. Да и вообще тогда президентство не смотрелось как какая-то лакомая должность. Ситуация в стране была слишком тяжелой. И что значило стать ставленником президента, у которого очень низкий рейтинг? Поддержка его не так дорого стоила. Скорее наоборот. Одно дело, когда у тебя большой политический ресурс и ты кого-то поддерживаешь, делишься частью этого ресурса. Как это было, например, когда Путин выдвигал Медведева в 2008 году, будучи суперпопулярной фигурой. Поддержка президента была существенным фактором в избирательной кампании тогдашнего премьера. Если не определяющим. И другое дело, когда тебя выдвигает президент, который не является популярной фигурой и к тому же физически чувствует себя не очень хорошо, часто болеет. Это означает, что фактически все зависит только от тебя. А никакого собственного рейтинга, как уже сказано, у Путина в тот момент тоже не было. Рейтинг – один процент. Это в пределах статистической погрешности. Один процент есть у любого из нас, если нас внести в какой-то список и опросить людей. То есть у него не было никакого большого политического ресурса. Между тем, начиналась

новая война на Кавказе, за которую надо было брать на себя ответственность, экономика пребывала в довольно сложном положении – люди месяцами не получали зарплаты и пенсии... Да, после дефолта 1998 года стало чуть лучше, наметился какой-то небольшой рост, но положение все равно было сложное. Весь бюджет Российской Федерации составлял... Я уже не помню точно сколько... Миллиардов двадцать долларов (да, 20 миллиардов долларов. – **О.М.**). Денег ни на что не хватало – ни на бюджетников, ни на армию, ни на безопасность... Поэтому сказать, что это была такая вот лакомая должность, к которой люди стремились... Я бы так не сказал. Это надо было быть безответственным человеком, чтобы ее хотеть. Либо каким-то дико амбициозным человеком, чтобы к этому стремиться.

Кое-кто к этой должности все-таки стремился...

– Тем не менее, – возражаю я, – Лужков, Примаков, Зюганов к этому стремились. По крайней мере, первые двое.

Волошин:

– Безусловно, это как раз те люди, у которых были эти амбиции.

– У Степашина тоже были.

– Он был премьер-министр. А когда человек становится уже премьер-министром, работает на этом посту какое-то время, это нормально, что у него меняются установки, он хочет подниматься выше. А у Лужкова и Примакова амбиции базировались на другом. Они были довольно популярными фигурами. Лужков был все-таки таким харизматичным московским градоначальником, довольно популярным, и в Москве, и за пределами Москвы. Примаков был тоже весьма популярной политической фигурой. И у того, и у другого рейтинги были значительно выше однопроцентного рейтинга Путина. Так что у них была достаточно высокая стартовая позиция. А для Путина роль кандидата в президенты была весьма незавидной, здесь все зависело от него самого. К тому же,

скажу еще раз, он не казался в то время суперхаризматичной фигурой. У него не было навыков политического деятеля. Он никогда не ходил на выборы. Всему этому ему предстояло научиться. В принципе предложение баллотироваться в президенты было для него похоже на то, как если бы ему предложили стать капитаном тонущего корабля. И спасти его от гибели. Это примерно так выглядело. Поэтому трудно себе представить, чтобы он задумал и реализовал какую-то интригу в борьбе за эту должность. Наконец, у меня с Путиным были довольно близкие отношения, мы довольно тесно общались. Я был главой Администрации президента, а он секретарем Совбеза. Мы с ним общались ежедневно по многу раз. И уж я-то точно знаю, что у него не было никакой жажды захватить президентскую должность.

– Может быть, вы просто не замечали? У него ведь изначальная профессия такая, «шпионская»: «Молчи, скрывайся и таи и чувства и мечты свои». Тщательно скрывать свои помыслы, свои намерения – это для такой профессии один из главных навыков.

– Ну да, у Путина, безусловно, такой бэкграунд: служба в разведке, в контрразведке. Но по-человечески, повторяю, у нас были довольно близкие отношения, мы много чего с ним обсуждали – и политику, и какие-то личные дела. И я никогда в нем не усматривал каких-то карьеристских устремлений – в том смысле слова, в каком вы меня спрашиваете: «Хочу стать премьер-министром! Хочу стать президентом!» Даже близко такого не было. И когда он уже конкретно услышал от Бориса Николаевича соответствующее предложение, у него опять-таки не возникло никакой эйфории. Скорее было состояние глубокой задумчивости. Скорее это придавливало его. Я точно знаю, что президентская должность не была предметом его вожделений.

Тут я, автор этой книги, могу высказать следующее предположение. Спецслужбы, ФСБ, могли и не иметь особого отношения, к продвижению Путина в президенты. Но – до какого-то момента. До момента, когда он стал премьер-министром. Поначалу он оказался один на один перед перспективой огромного карьерного роста. Отсюда и неуверенность, и сомнения, о которых говорит Волошин. Но все могло довольно резко перемениться, когда стало ясно, что Путин действительно стал человеком фактически

номер один в стране, назад пути нет. И он не собирается назад. После этого его вполне могли «взять в оборот» коллеги по ФСБ и другим спецслужбам, типа Патрушева, Черкесова, Сергея Иванова, прочих граждан из этого круга. «Владимир Владимирович, да вы что! Чего вы тушуетесь! Хватит вам тушеваться! Крепко берите власть в свои руки! Мы вам поможем! Мы с вами сделаем все как надо! Мы сделаем из этой страны конфетку!» И Владимир Владимирович перестал тушеваться и сомневаться, обрел крылья. Как говорится, взорлил. И с тех пор уже не расставался со своими советниками-силовиками. Так конспирология, на чуть более позднем этапе, могла обрести вполне реалистические черты.

Разговор на даче у Волошина

6-го или 8 августа 1999 года (как уже говорилось – в других интервью) на даче у Волошина близкие президенту люди обсуждали возможных преемников. Кроме хозяина дома, были Юмашев, Татьяна Борисовна, Чубайс... Вроде бы присутствовали Абрамович и Фридман. Олигархи. Анатолий Борисович категорически выступал против выдвижения Путина: как политик он не известен, а потому трудноизбираем; есть ведь готовый проходной кандидат – Степашин, почему его не выдвинуть? Между Волошиным и Чубайсом возник спор. Знаю о нем из рассказов Чубайса и Юмашева. Интересно, как он запомнился Волошину. Александр Стальевич не склонен придавать ему большого значения.

Волошин:

– Слушайте, между нами споров было – тысячи...

– ...Вы тогда ответили: если выбор будет за Степашиным, пусть тогда главой Администрации опять становится Чубайс, а я уйду. Довольно категоричная постановка вопроса.

– Да, это было в какой-то момент. Это я помню. Когда Чубайс стал напирать, я говорю: «Ну, вот если Борис Николаевич примет решение оставить Степашина, тогда я уйду, а вы тут сами разбирайтесь со всеми этими проблемами».

– То есть вы твердо стояли за Путина.

– Я взаправду считал, что Путин – это правильный выбор из тех двух кандидатур – Путин или Степашин? – которые там были. При этом со Степашиным у меня были и остаются самые хорошие отношения. Повторяю, он реально приличный человек, порядочный, с серьезным политическим опытом и т.д. Что касается позиции Чубайса... Мне кажется, у Анатолия Борисовича отношения со Степашиным все-таки были более давние. Он его, видимо, хорошо чувствовал, относился к нему с большей симпатией. Он и к Путину вроде нормально относился, они же оба из Питера, у них были нормальные человеческие отношения. Но он понимал, что Степашин действующий премьер-министр, он какая-то понятная публичная, очевидная фигура, а Путин был для него не очевидным. Но, я думаю, Чубайс был не единственным, для кого выбор Путина был не очевидным. В общем, тогда шли нормальные споры, дискуссии. Люди обсуждали вопросы развития страны. Обсуждали тех или иных политических персонажей, кто на что способен, кто способен страну выводить из кризиса, кто не способен. Приводили какие-то аргументы. Это нормально.

Участвовали ли в этих спорах олигархи?

Мой вопрос:

– Вот вы говорите, что часто обсуждали вопрос о Путине, Степашине. А так называемые олигархи – Березовский, Абрамович, Фридман – участвовали в этих обсуждениях, в этих спорах?

Волошин:

– Вы же сами мне рассказали интересную историю... Я ее не очень помню... Что у меня на даче кто-то с кем-то встречался.

– Вы это не помните?

– Я это очень смутно помню, потому что, на моей памяти, у меня тогда были десятки и сотни разных встреч с разным составом. Конечно, были дискуссии. Это был период такого политического межвременья. Понятно, что действующий президент был, мягко говоря, не очень популярной политической фигурой, что он был уходящим президентом. Кто придет вместо него, это вопрос обсуждали все, на кухнях и не на кухнях, и в Кремле, и за пределами Кремля. И в московской мэрии, и в регионах, и где угодно. Люди это обсуждали. И в бизнесе, конечно, это тоже обсуждали. Обсуждали между собой, во всевозможных форматах. Обсуждалось ли это с бизнесом в Кремле? Ну, конечно, как-то обсуждалось. Мы же все живем не в безвоздушном пространстве, как-то с кем-то общаешься, с одним, с другим, с третьим. Конечно, обсуждалось.

– В этих обсуждениях олигархи как-то высказывались в пользу Путина, поддерживали его кандидатуру?

– Я сейчас не помню, высказывались ли они за Путина.

– Я слышал, что в том последнем обсуждении у вас на даче участвовали Абрамович и Фридман.

– Фридман, помню, на каких-то встречах был. У меня с ним и с его коллегой по «Альфа-Групп» Петром Авеном старые добрые отношения. Наверняка эту тему я тысячу раз с ними тоже обсуждал. Это ребята в бизнесе вполне прагматичные. Я не могу сказать, что они были такими уж борцами за Путина или против Путина, за Степашина или против Степашина... Так что и у меня, и у других сотрудников Администрации наверняка были дискуссии с представителями бизнеса по поводу того или иного преемника. Я не помню, если честно, чтобы Борис Николаевич с кем-то из бизнеса встречался и такие вещи обсуждал. Такое вряд ли можно себе представить. Он всегда к

этому относился как-то осторожно, отстраненно, а у нас, сотрудников Администрации, всегда был какой-то круг общения. И потом человек бизнеса он всегда имеет право какое-то свое слово сказать. Вопрос ведь не в том, чтобы не общаться с бизнесом и ничего с ним не обсуждать, вопрос, насколько власть самостоятельна в принятии решений. В этом смысле Борис Николаевич Ельцин, когда принимал решение о Путине, был абсолютно самостоятелен.

Ясно одно: у Путина был довольно удачный опыт чиновника

Задаю Волошину вопрос, который задаю всем: какие такие замечательные качества Путина давали основания верить, что он станет хорошим президентом?

Волошин:

– Ну, нельзя сказать, что это мне они давали основания верить. Я хотел бы себя от этого отделить – не я ведь принимал решение. Но я могу привести аргументы, которые мне кажутся объективными, не моими, а реально объективными. Это факты из биографии конкретного человека. Аргументы в пользу Путина. Как я уже говорил, он в девяностые годы, в сложный период, – сложный и с точки зрения экономики, и с точки зрения политики – был реальным топ-менеджером пятимиллионного города, второго по размерам после Москвы. Он реально был первым заместителем Собчака. Собчак, повторяю, был политическим лидером, а Путин был при нем реальным топ-менеджером. Пятимиллионный город – это все-таки огромная ответственность. В период, когда в городах еды не хватало, продуктов не хватало. Того не хватало, сего, люди жили кто без пенсии, кто без зарплаты. В города не завозили товары первой необходимости. Это все Путин застал в качестве топ-менеджера города. И он справлялся со всеми этими проблемами. То есть это такой более чем серьезный опыт. Мне вообще кажется: хорошо, когда лидеры страны вырастают из регионов. Потому что страна реально состоит из регионов, и очень важно знать, как в них живут люди. Так что у Путина такой опыт

реального менеджмента был, причем в одном из крупнейших субъектов Федерации, довольно сложном и политически, экономически.

Тут я напоминаю Волошину, что опыт был не совсем гладким. Большую известность получил, в частности, скандал, связанный с докладом Марины Салье. За рубеж были вывезены редкоземельные металлы, нефтепродукты и другое сырье на сумму более ста миллионов долларов. В то время довольно большие деньги. Это были бартерные контракты. Взамен в Санкт-Петербург, где продовольствия не хватало настолько, что на него уже были введены карточки, должны были поступить партии мяса, картофеля, птицы. Но не поступили. Соответствующие документы на этот бартер были подписаны Путиным, занимавшим тогда должность председателя Комитета по внешним связям мэрии, и его заместителем Аникиным. Были у Путина тогда и другие, мягко говоря, прегрешения...

Волошин:

– Слушайте, а у кого из региональных руководителей в девяностые годы была безоблачная жизнь? У кого не было скандалов и конфликтов? Жизнь была настолько сложной, настолько драматичной! Насколько поменялись правила игры по сравнению с предыдущим советским периодом! Старые институты и старые правила игры разрушились, а новые только создавались. Это был самый сложный период нашей истории. Драматичный, кровавый, с войнами, с бандитским беспределом... Это действительно было драматично. В этот момент создавались какие-то новые институты, люди учились демократии, люди учились обращению с частной собственностью. Все это было через драму. И уровень ответственности при руководстве большим субъектом Федерации, каким являлся Санкт-Петербург, был необычайно высок. Для Путина, повторяю, это был очень важный опыт. Стопроцентно он был не бесконфликтный. Я даже не знаю всех конфликтов, которые у него там были. Но можно найти какого-то руководителя, у кого не было конфликтов в тот период, кто безоблачно прожил девяностые годы? Я не думаю, что такие руководители субъектов Федерации найдутся. Если только это не совсем бездельники. Вот... Это что касается тогдашней управленческой деятельности Путина.

После этого у него был опыт проигранных выборов в Питере, когда Собчак, его непосредственный руководитель, проиграл Яковлеву. Мне кажется, это тоже полезный опыт. Все-таки опыт побед – одно, а опыт поражений – другое. Умный учится на своих ошибках, дураки вообще не обучаемы. Человек с набитыми шишками тоже дорогого стоит. Как у нас говорят, за одного битого двух небитых дают. То, что Путин битый – это тоже ценный опыт. Он такой сложный, тяжелый, болезненный, но тоже опыт... Дальше у него был какой-то опыт работы в Управлении делами президента. Потом он в Администрации президента занимался регионами. За это время он хорошо узнал страну, ситуацию в разных регионах... Это была его зона ответственности. И, кроме территорий, он еще занимался Контрольным управлением. Тоже много чего через это увидел, многие проблемы, способы их решения... Летом 1998 года он стал директором ФСБ, потом к этой должности добавился пост секретаря Совета безопасности. Это тоже полезный опыт. В общем, все эти обстоятельства – то, что он занимал весьма ответственные посты, – говорили в его пользу. К августу 1999 года у него был довольно разносторонний опыт – и региональный менеджмент, и территории, и Контрольное управление, и силовая структура, – ФСБ, – и Совет безопасности... Вот что мог иметь в виду президент, делая выбор в пользу Путина. Все это накладывалось на его личные симпатии к нему, сложившиеся к тому времени.

Тест на приверженность Путина демократии не проводился

Еще один вопрос, который я задаю всем, с кем беседую: а с точки зрения способности продолжать демократические преобразования в стране никто Путина не оценивал? Это не считалось чем-то важным?

Волошин:

– Что такое демократические преобразования?

– Ну, это, по-моему, ясно: укрепление и расширение политических свобод... Всего того, что записано в Конституции. Или подразумевается в ней.

– Наша свобода она ведь не может быть бесконечной – она должна простираться ровно до того предела, где она начинает ограничивать свободу других. Или разрушать государство. Или разрушать какие-то государственные механизмы. Государство – это такой институт, который, среди прочего, подразумевает и насилие. Государство – это и Следственный комитет, и полиция, и тюрьмы...

– Уж этого-то добра у нас сейчас «выше крыши».

– ...Государство – это много всего. И это касается не только России. Америка, например, считается демократической страной. Но многие считают, что Америка – полицейское государство. Там очень развиты институты насилия. В Америке в тюрьмах сидит столько народу, что мама не горюй. Она может дать фору любому. Некоторые свободы там сильно ограничены. Ради соблюдения общественных интересов. Что касается России, она, безусловно, транзитная страна. Мы находимся в процессе перехода из нашего советского прошлого в наше счастливое постсоветское будущее. Этот процесс очень болезненный, тяжелый. Нас заносит то в одну сторону, то в другую. Мы совершаем много ошибок. Все это происходит довольно болезненно и травматично. И драматично.

– По-моему, истина, не требующая доказательств: в девяностые годы в России было несравненно больше свободы, больше демократии, чем сейчас...

– Девяностые годы одни хвалят, другие ругают. Мне кажется, истина где-то посередине. Это, как я уже сказал, безусловно, были драматичные, тяжелейшие годы. Это был период революции. Но невозможно все время жить в период революции. Это дико болезненно. Кто-то в девяностые годы наслаждался свободой, а кто-то харкал кровью. Кто-то не знал, как прокормить ребенка, как вылечить больную мать. Потому что денег нет вообще. Все старые системы координат разрушились, а новые еще не возникли. Правильно же? Это все тоже девяностые годы. Поэтому я считаю, что на

рубеже 1999 - 2000 годов произошла не только смена президентов – произошла смена этапов развития страны: период революционного развития, такой драматичный, временами кровавый, но в то же время связанный с формированием новых демократических институтов, фрагментов рыночной экономики – этот период сменился периодом эволюции, периодом эволюционного развития.

В какую сторону эволюция?

– Весь вопрос в том, – говорю я, – в какую сторону направлена эта эволюция. Мне кажется, – и это достаточно очевидно, – она направлена в сторону, противоположную той, в какую была направлена революция девяностых. Куда делись демократические институты, о которых вы говорите? Их нет. Они исчезли. Установился жесткий авторитарный режим. Какая эволюция может быть при таком режиме?

Волошин:

– Да, сегодня, в период эволюции, наверное, нет такой степени свободы, такого драйва, как в девяностые. Но зато возникли некие правила игры. Они кому-то нравятся, кому-то не нравятся, но они довольно стабильны.

– Что такое правила игры? Это законы. Вы хотите сказать, что у нас законы соблюдаются? Какие-то, может быть, и соблюдаются, – те, что не затрагивают интересы власти, – но главный закон у нас – воля президента. Как он пожелает, так и будет. Это главное правило жизни при авторитарном правлении.

– Если говорить об основном содержании исторического процесса, который мы сейчас переживаем, то основная драма – она в людях. Правила игры очень сильно поменялись. Советская система, где не было частной собственности, где не было никакой свободы, она все-таки сильно поменялась – на смену ей пришла рыночная экономика, на смену ей пришла свобода. Наверное, и то, и другое далеко от совершенства, но все-таки есть критическая масса и того, и другого.

– Насчет критической массы я не уверен.

– А я уверен. Главное содержание того процесса, внутри которого мы сейчас живем, – это мучительное приспособление людей к этим новым правилам, в которых мы живем. Кому-то удалось приспособиться к ним довольно быстро, кто-то оказался более гибким, проворным, способным к адаптации в новых условиях, кому-то удалось с большим трудом, а кому-то вообще не удалось. Нельзя людей в этом винить. Человек две трети своей жизни провел в советской системе координат, когда не было никакой частной собственности, и непонятно, почему ее надо уважать и чем она так хороша. Государство все за тебя решало, ты не должен был ни о чем переживать – тебя кормили, поили, одевали, обували. Как-то сносно ты существовал. Да, ты не мог стать супербогатым, но ты имел какой-то минимум, который не позволял тебе пропасть. То есть господствовал такой абсолютно патерналистский менталитет. И вдруг люди оказались в ситуации, когда очень много зависит от тебя. Ты должен сам на себя рассчитывать. Надо суетиться, надо что-то делать. Не все оказались на это способны. Нельзя обвинять людей в том, что они оказались не способны. Кто-то, повторяю, сумел быстро воспользоваться этими новыми открывшимися возможностями, а кто-то сумел. Он просто не понимал, что происходит. Он был во власти инерции предыдущих, советских, лет.

– Эти перемены произошли не в 2000-е. По существу, вы говорите о девяностых годах. Именно тогда все радикально менялось. Страну, которая 70 лет стояла на голове, переворачивали, ставили на ноги, как она и должна стоять. Именно тогда происходили эти тяжелые, болезненные процессы.

– В 2000-е перемены продолжались. Разница заключается в том, что в девяностые годы приспособливаться к новым условиям было довольно тяжело. У людей была задача выживать, а не приспособливаться. Просто выживать. Люди жили от зарплаты до зарплаты. Думали о том, как прокормить ребенка или вылечить больную мать. Правила жизни постоянно менялись, – по парламенту из танков стреляли, Чечня полыхала, там произошли две войны, гражданские (одна закончилась, вторая началась), конфликты,

взрывы, терроризм, годами не выплачивающиеся пенсии и зарплаты. Можно рассуждать, что в 2000-е годы степень свободы, наверное, как-то понизилась. Но для миллионов людей возникла стабильность. И появилась возможность как-то приспособливаться к новым условиям, как-то планировать свою жизнь. Эти процессы пошли гораздо быстрее. В общем, я бы сказал так: это все наша история – и то, что было до 2000 года, и то, что происходило после 2000 года. Те или иные недостатки можно найти в любом из этих периодов. Повторяю, невозможно было вечно жить в условиях революции девяностых годов. Мы бы просто померли, если бы продолжали так жить.

Не обязательно было так резко менять курс

– В конце девяностых, – возражаю я, – революция уже заканчивалась. Экономика начала расти. Улучшилась ситуация с зарплатами и пенсиями. Стало более спокойно. В общем, в 1998-м – 1999-м мы стали выходить из революционной модели. И такого резкого отворота от демократического курса девяностых не требовалось.

Волошин:

– Вы знаете, я бы не сказал, что в конце 90-х – начале 2000-х стало спокойнее. Да, экономика действительно стала подниматься – в результате эффекта девальвации 1998 года. Да, появились какие-то возможности начать частично погашать долги по зарплате, по пенсиям. Основным бенефициаром этого процесса стало правительство Примакова, политическим бенефициаром. Но эффект девальвации был краткосрочным, долгосрочным он быть не мог.

– Дело ведь не только в эффекте девальвации. Заработала рыночная экономика, вырывающаяся на простор сквозь завалы оголтелого сопротивления.

– Сопротивление никуда не делось. Оно и сейчас продолжается. Это об экономике... Что касается политической ситуации, она была абсолютно нестабильна. В том же 1999 году у нас были регионы, которые могли вдруг заявить, что не будут

отправлять своих призывников в российскую армию. Страна у нас была довольно сильно дезинтегрирована. Субъекты Федерации принимали законы, которые находились в грубом противоречии с федеральными законами. Вообще, было очень много негативных процессов. Драматичные события происходили на Кавказе. В общем-то, после заключения мира в 1996 году они не прекратились. Там был просто тлеющий огонь, который в конце июля – начале августа 1999-го перебросился из Чечни уже в виде открытого огня в Дагестан. Поэтому я бы не сказал, что в 1999 году у нас все было в ажуре. Не было все в ажуре, было далеко от ажюра.

Оправдан ли был риск?

Все-таки где была гарантия, что Путин, с одним процентом рейтинга, выиграет выборы у таких мастодонтов, как Примаков, Лужков, да и у такого демагога-сталиниста, как Зюганов? Трудно отделаться от мысли, что существовал какой-то не афишируемый план проведения избирательной кампании Путина, который гарантировал бы ему успех. В дальнейшем стало ясно, что в значительной степени этот успех обеспечила ему вторая чеченская война. Этот козырь заранее имелся в виду, его держали в рукаве или заранее на войну не делалась ставка? Если о войне как залоге успеха заранее не думали, оправдан ли был риск выдвижения малоизвестного, малоперспективного, с точки зрения выборного успеха, кандидата?

Волошин:

- Никакой гарантии успеха не было.
- В таком случае у вас не было страха, что случится провал?
- Страх тоже никакого не было, хотя опасность провала, конечно, существовала. Безусловно. Если бы проиграл Путин, а победил Примаков или Лужков, или Зюганов, я считаю, это было бы сильно вредно для страны. Такая смесь популизма и коммунизма нас до хорошего не довела бы. Но если меня спросить: «Были ли у вас в начала августа

1999 года доказательства, что вы победите на парламентских и президентских выборах?» – нет, таких доказательств не было. При этом мы верили в свои силы. У нас было сильное желание победить и уверенность в своих силах. Хотя твердой уверенности в результате, повторяю, не было. Ни в победе «Единства» на парламентских выборах, ни в победе Путина на президентских. И «Единство» ведь действительно не победило. На самом деле – это уже все забыли – на выборах в Думу в декабре 1999 года первое место все-таки заняли коммунисты. «Единство» оказалось вторым, правда, с небольшим отрывом. Дальше, уже с большим отрывом, шло «Отечество – Вся Россия». Ну и нам на первом этапе, после выборов, даже пришлось блокироваться с коммунистами, тактически. Так что в первой конфигурации Думы – после декабря 1999 года – все ключевые портфели во всех комитетах были поделены между «Единством» и коммунистами, которые вместе составляли большинство. Это был такой тактический союз, но... Ситуация была не очень простая. То есть мы победили политически своих главных оппонентов – Ёлужкова и Примакова, но коммунисты оказались реально сильными. Они обошли нас.

Ельцин не всегда держал в голове фамилию Путина

Напоминаю своему собеседнику, что первоначально Ельцин собирался выдвинуть в преемники не Путина, а Черномырдина. В 1998 году. Его Дума не пропустила в двух турах голосования. Его забаллотировали коммунисты, аграрии, яблочники. Почему Борис Николаевич не выдвинул его в третий раз? Да, в случае третьего провала Виктора Степановича президент, по Конституции, должен был распустить Думу, но, может быть, на это стоило пойти? Может быть, риск был оправданным?

Волошин:

– У нас были разные мнения на этот счет. Моя личная точка зрения была, что надо идти до конца и не бояться роспуска Думы. Но... Я тогда еще был далек от центра принятия решений. У меня такой возможности – донести до Бориса Николаевича свое

мнение – не было. Я был помощником руководителя Администрации президента, помощником Юмашева. Так вот Борис Николаевич принял решение отказаться от третьего тура. Решения принимал именно он.

– С Юмашевым вы тогда не говорили об этом?

– Говорил, конечно. У нас была куча горячих дискуссий. Разные были точки зрения. Приводились аргументы за и против. Но в итоге Борис Николаевич решил, что ему тактически роспуск Думы в данный момент невыгоден. Трудно сказать, что было бы, если бы решили пойти на роспуск Думы. Повторяю, мне тогда казалось, что роспуск был бы правильным решением, но история показала, что прав был президент, потому что в конечном счете мы добились успеха. Правда, чуть позже. В этом и заключается искусство политики – просчитывать более чем на два хода вперед.

– А когда, по-вашему, был успех? В чем заключался успех?

– В конце 1999 года. В 1998-м мы уступили Примакову и Лужкову. Когда было создано правительство Примакова. Это ведь было правительство с социалистическим уклоном. Тогда первым вице-премьером был Маслюков, бывший председатель Госплана. Он был достаточно продвинутый экономист, но с вполне коммунистическим мышлением.

Кто был бы лучше – Путин или Черномырдин?

Не знаю, можно ли считать успехом, что преемником Ельцина стал не Черномырдин, а Путин. Не уверен в этом. А каково мнение Волошина: если бы Черномырдин стал президентом – это было бы лучше или хуже?

Волошин:

– На такие вопросы очень трудно отвечать. Здесь мы вступаем на зыбкую почву, на почву гипотез. Трудно сравнивать этих двух деятелей – Путина и Черномырдина.

Можно только сказать, что при Черномырдине все было бы совсем по-другому. У меня были очень добрые отношения с Виктором Степановичем, но все-таки не могу не сказать, что на нем к концу девяностых много чего висело. Другой вопрос, справедливо или несправедливо это на него было повешено. Ему как руководителю правительства, пережившему на посту руководителя все эти тяжелые девяностые годы, трудно было бы бороться за высокую популярность. Объективно. При том, что он, безусловно, был сильной личностью, харизматичной. Несмотря на несколько комичную афористичность своей речи, он был очень глубоким человеком... Но, конечно, избираться в президенты ему было бы тяжело. Думаю, для него это были бы гораздо более сложные выборы, чем для Путина, на котором никакого такого груза не было. И, кстати, досрочные президентские выборы в марте 2000 года стали возможны в результате успеха «Единого» – не полного, но достаточно осязаемого – на парламентских выборах в декабре 1999 года. А этот успех тоже в значительной степени заслуга Путина, рейтинг которого быстро рос...

– Благодаря войне.

– Нет, не благодаря войне. Это ошибка.

За счет чего рос рейтинг Путина

Волошин:

– Я тоже когда-то так думал – что рейтинг Путина растет благодаря войне. Но потом я несколько раз обсуждал это с Александром Ослоном, руководителем Фонда «Общественное мнение», который довольно подробно разобрался с этим вопросом – с причинами, из-за чего рос рейтинг Путина. И он мне несколько раз – и тогда, и потом – довольно убедительно доказывал, что все-таки основной рост популярности Путина был связан со всякого рода экономическими решениями, прежде всего с решением социальных проблем – погашением задолженности по пенсиям, по зарплатам

бюджетников, задолженности перед ними, повышением их зарплат. Это имело гораздо больший эффект, чем какие-то военные успехи в Чечне. Они, безусловно, тоже влияли на избирателя, но это не было доминирующим фактором.

– А взрывы домов в Москве и Волгодонске? Разве не из-за них начался рост популярности Путина? Население увидело в нем защитника от террора, отца родного.

– Безусловно, и это повлияло. Вы знаете, это все вместе действовало. Но вот социологи, – социологи, которым я доверяю, – считают, что в большей степени тут сыграла роль экономика. Они видят прямую корреляцию между действиями правительства в социально-экономической сфере и ростом популярности премьера. В результате уже в ноябре – декабре 1999 года у Путина был довольно высокий уровень поддержки электората, что, в свою очередь, позволило ему потратить этот ресурс и на поддержку «Единства». Да и на поддержку некоторых других партий... Он, например, тот же Союз правых сил поддерживал. В меньшей степени, но тоже... В общем, это все одно из другого вытекало. Но в начале августа возможность таких результатов была, конечно, не очевидна. Не очевидно было, что Путин поднимется настолько, чтобы всерьез повлиять на парламентские выборы, что, в свою очередь, создаст возможность для каких-то активных действий на досрочных выборах президентских. В начале августа все это было не очевидно.

Решил ли Путин проблему Чечни?

Возвращаю нашу беседу к теме выбора между Путиным и Степашиным. Этот выбор довольно остро стоял в июле – августе 1999 года.

– Вы тогда занимали активную «антистепашинскую» позицию. Собственно говоря, некоторые считают вас главным лоббистом кандидатуры Путина, даже этаким его «крестным отцом».

– Я бы не сказал, что моя позиция была «антистепашинской». К Степашину я всегда относился и отношусь с уважением. Он вполне достойный человек, честный, порядочный. Тоже с большим политическим опытом. Но в тот момент –сейчас, наверное, мне уже довольно трудно вас в этом убедить, – ситуация складывалась довольно драматично. Нас тревожила разгоравшаяся война на Кавказе... У многих людей в Кремле, не только у меня, было ощущение, что нам нужен какой-то твердый и в чем-то даже жесткий лидер, который должен помочь выбираться из этой ситуации. И это диктовало выбор в пользу Путина. Не то что Степашин плохой, а то, что Путин в чем-то более жесткий, более последовательный, – в то время чувствовалась необходимость именно в таких качествах. Мы ожидали, что Путин их проявит. Честно говоря, мне кажется, эти ожидания в полной мере оправдались. У нас, слава Богу, нет войны. Вторая война в Чечне, которой в полной мере уже занимался Путин, – сначала в качестве премьер-министра, а затем в качестве президента – как-никак, все-таки была прекращена, мы добились мира в Чечне. Там реально был бандитский анклав.

– Я не уверен, что ее вообще следовало начинать.

– Не мы ее начали, ее начал Басаев, вторгшийся в Дагестан.

Войну начал Басаев... Отряд боевиков в 650 человек пересек административную границу между Чечней и Дагестаном, а потом быстро вышел обратно. Наверное, следуя логике, стоило бы просто-напросто укрепить этот участок границы, а не навалиться на маленькую республику всей многократно превосходящей военной мощью, не разбирая при этом, где боевики, где мирные люди. Для мирных людей это принесло неисчислимые беды. Чеченцы никогда нам этого не простят.

Волошин:

– Знаете, легко рассуждать, наблюдая за происходящим со стороны. Сторонний наблюдатель не чувствует всего драматизма ситуации.

– Вы считаете, тот режим, который там сейчас установился, это то, что нужно Чечне и то, что нужно России? Если бы не подпитка гигантскими дотациями из Центра, этот режим не сохранился бы и дня...

– Слушайте, с тем кровавым месивом, которое там было, все-таки было покончено. Разумеется, чтобы окончательно выбраться из его последствий, потребуется много времени, это долгая история, это непросто. Но в целом мы уже перевернули эту страницу. Если говорить всерьез, стратегически, об этой проблеме, конечно, там, в Чечне, должно вырасти новое поколение, поколение людей, которые не помнят этой войны, которые выросли уже в новых условиях, без войны. Дети гражданской войны – они всегда травмированы этой войной. То поколение, которое там выросло сейчас, оно во многом еще помнит войну и те ужасы, которые там были. Там же реально была гражданская война. Одни чеченцы убивали других. И российская армия, и силовые структуры участвовали в этой войне. Там была реальная гражданская война. И было явное международное участие, как это часто бывает во всех гражданских войнах. Сейчас де-факто там мир. Я все-таки исхожу из того, что величайшая ценность на земле – это человеческая жизнь. А там в то время каждый день сотнями, тысячами погибали люди. Каждый Божий день! Даже когда там были относительно спокойные периоды. Да, там было рабовладение, много чего было... Мы все это знаем. Там каждый день происходило что-то ужасное. Жизнь людей там была ужасна. Сейчас там жизнь относительно спокойная... Да можно рассуждать, насколько там авторитарный или не авторитарный режим управления, это правда, но там сейчас люди не гибнут! Там уровень жизни растет каждый год.

– Если судить по сообщениям прессы, – люди там продолжают гибнуть. Невинные люди.

– Но большинство людей живет в относительной безопасности. Да, там иногда случается что-то трагическое, но это, слава Богу, не каждый день и не так масштабно. Там дети по утрам идут в школу, там работают больницы, там работают университеты, там работают все-таки социальные органы. Этого же всего не было! Дети не ходили в

школу, не было ни больниц, ни лекарств. Там был бандитизм, произвол человека с автоматом. На каждом углу ты не знал, что с тобой сделают. Сейчас там совершенно другая ситуация. Можно ли считать, что вопрос с Чечней полностью решен? Да нет, конечно. Республика должна прожить в мире и спокойствии несколько поколений, дожждаться смены поколений. Только тогда можно будет считать, что эта страница окончательно перевернута. Там пострадали сотни человек. У каждого там есть погибшие родственники. Как это все чеченцы могут забыть? Это не то, что забывается легко за два – за три года. Люди должны потихонечку привыкнуть к мирной жизни, как к ежедневному восходу и заходу солнца.

Два президента, два начальника

Итак, Волошин, как видим, полностью оправдывает выбор преемника, сделанный Ельциным в 1999 году. Оправдывает объективными обстоятельствами, сложившимися в тот момент. Примешиваются ли к этой вроде бы объективной оценке какие-то субъективные, человеческие мотивы – отношение моего собеседника к двум российским президентам, с которыми Волошину довелось работать, с которыми он тесно общался. Все-таки Ельцин и Путин – два совершенно разных человека. Как мне кажется, не только по взглядам на пути развития страны. Это сейчас уже ясно – эти взгляды у них совершенно разные. Но и по-человечески у них мало общего. Спрашиваю Волошина, с кем ему легче работало – с Ельциным или с Путиным, почему он ушел в отставку сразу после ареста Ходорковского. Это было как-то связано с его арестом? Тогда все восприняли этот уход как своего рода протестную акцию, как знак несогласия с действиями президента.

Волошин:

– Все в этом мире как-то связано одно с другим, но арест Ходорковского не был единственной причиной моего ухода. В общем, тут было случайное совпадение нескольких причин. Я ведь в принципе не карьерный чиновник, никогда не стремился к

какой-то государственной карьере. И большую часть девяностых годов, собственно, прожил вполне счастливо вне Кремля. Ну как счастливо? Там были, конечно, свои драмы – не драмы... Но вполне нормально прожил. И до того, как меня позвали на работу в Кремль, я был там, в Кремле, только пару раз в своей жизни – на экскурсиях в Оружейной палате. В общем, в Кремль меня никакая неведомая сила не тащила. И поэтому, когда мне показалось, что я как-то свою функцию там выполнил, у меня стали созревать какие-то мысли, что следующий этап моей жизни надо потратить на что-нибудь другое. Все-таки жизнь в Кремле она такая – всепожирающая. Ну, по крайней мере, для меня она такой была. Работаешь 24 часа в сутки и семь дней в неделю. За эти пять с половиной лет, которые я там проработал, я, по-моему, два я половиной раза был в отпуске по две недели. Толком не видишь свою семью, толком не видишь своих детей, толком не можешь ни почитать, ни послушать музыку, ни какие-то спектакли посмотреть. Такая всепожирающая работа. Она дико интересная. Дико ответственная. Я к ней относился более чем серьезно. Но это мое дико ответственное отношение к этой дико серьезной работе не позволяло мне ничем другим заниматься. Да, в какой-то степени на мое решение уйти повлияли и события, связанные с ЮКОСом, но это была далеко не единственная причина, из-за которой я покинул Кремль. С кем мне легче работало? Я был главой Администрации Бориса Николаевича последние десять месяцев его президентства, то есть меньше года. Это было с каких-то чисел марта, – соответственно, до 31 декабря 1999 года. И потом почти четыре года – с Владимиром Владимировичем. С кем было легче? Трудно сказать. Я эту работу никогда не оценивал с этой точки зрения – с кем легче, с кем тяжелей. Поверьте мне, работа всегда была тяжелой. Я могу только сказать, что с точки зрения человеческих контактов у нас с Борисом Николаевичем все-таки была довольно большая дистанция. Это была дистанция возрастная, ну и... всякая другая. При этом у нас в какой-то момент сложились хорошие, добрые, доверительные отношения, и я этими отношениями очень дорожил. Это позволяло нормально работать. Но... с Путиным у нас дистанция была, конечно, значительно короче. Возрастной лаг был сильно меньше, его почти не было. Мы и до этого были коллегами, довольно тесно взаимодействовали, когда он был в

Администрации президента (я застал его), потом в ФСБ, в секретариате Совбеза. Соответственно, я был готов к сотрудничеству с ним как с президентом в большей степени, чем с Борисом Николаевичем. Как-то жизнь нас больше подготовила к взаимодействию. И по-человечески дистанция между нами была сильно короче. У нас были дружеские отношения. Насчет отношений с Борисом Николаевичем трудно сказать, что они у нас были дружескими. В каком-то смысле тоже да, но все-таки это были отношения с большой человеческой дистанцией.

– А ваш уход из Кремля не сопровождался каким-то скандалом, какими-то неприятностями для вас? У Путина он не вызвал удивления, недовольства?

– В общем, я могу сказать, что это было довольно драматичная ситуация. Уйти для меня было довольно тяжело с человеческой точки зрения. Потому что мы с Владимиром Владимировичем довольно много вместе пережили. У нас были, повторяю, довольно близкие отношения. Я считаю, что они и остаются в какой-то степени близкими. Хотя мы сейчас уже значительно реже общаемся. Короче, скажу еще раз, уйти для меня по-человечески было довольно тяжело. И для меня, и, как мне кажется, для него тоже пережить мой уход. Очень тяжело и очень болезненно. Но, с другой стороны... Как я уже сказал, жизнь не ограничивается Кремлем. В конце концов, я получил возможность читать книжки, слушать музыку и, что самое важное, – общаться с семьей – с детьми, с женой. Это реально дорогого стоит. Наконец – деньги зарабатывать. Это тоже имеет значение.

– Неужели вам в Кремле мало платили?

– Смотря с чем сравнивать. Если сравнивать с бизнесом, – конечно, никакого сравнения. В бизнесе гораздо больше денег получаешь. Это очевидно. Конечно, высокопоставленные сотрудники Кремля получают гораздо больше, чем учителя или врачи. Нельзя сказать, что это правильно, но это факт, это то, что существует в природе. Но сравнивать с тем, что ты сможешь зарабатывать, занимаясь бизнесом, – это небо и земля.

Итак, Волошин был и остается другом Путина. Трудно ожидать, что он будет критически высказываться о друге и о том, правильно ли поступил Ельцин, предложив на роль преемника, того, кого он предложил. Однако Александр Стальевич был одним из тех немногих – их можно пересчитать по пальцам одной руки, – кто был непосредственным свидетелем и участником драматических событий, которые происходили в Кремле и его окрестностях на рубеже 1999 – 2000 годов и привели к довольно резкой смене курса, каким двигалась Россия. По этой причине его свидетельства представляют, как мне кажется, несомненную ценность для истории. Тем паче, что так называемое информационное пространство сейчас буквально набухло и вот-вот лопнет от всякого рода лжесвидетельств, «достоверно» освещающих эту тему.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Итак, читатель познакомился с рассказом людей, наиболее осведомленных в вопросе о том, как происходила смена российских президентов на рубеже 1999 – 2000 годов и вообще, как работала тогда кремлевская политическая «кухня». Кто-то из читателей может счесть те или иные из приведенных здесь свидетельств недостаточно точными или даже недостаточно откровенными, но... Других, более надежных свидетельств у нас просто нет. Большинство других, какие приходится встречать в СМИ, в интернете – не заслуживающие внимания вымыслы и домыслы.

И еще. Приведенные здесь рассказы местами противоречат друг другу, вряд ли из них можно составить какую-то стопроцентно однозначную картину. Главный вопрос, – почему именно на Путине Борис Николаевич остановил свой выбор, – по-прежнему остается не до конца ясным. Вместе с тем обилие достаточно достоверных деталей, которые в этих рассказах содержатся, на мой взгляд, позволяет читателю попытаться самому найти ответ на этот вопрос, оставив за пределами своего внимания множество

ложных версий, которыми изобилует сегодня информационное поле. Если кто-то действительно почувствует здесь облегчение, я сочту свою задачу выполненной.

Москва. Февраль 2019 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Егор ГАЙДАР:

«Сапер ошибается лишь однажды»

Борис НЕМЦОВ:

«Причина ошибки – болезнь, советы лоббистов»

Анатолий ЧУБАЙС:

«Я был за Степашина, но я был неправ»

Валентин ЮМАШЕВ:

«Путин сильно переменялся»

Татьяна ЮМАШЕВА:

« Отца не смущало лубяньское прошлое Путина»

Александр ВОЛОШИН:

«Как это было тогда в Кремле»

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ